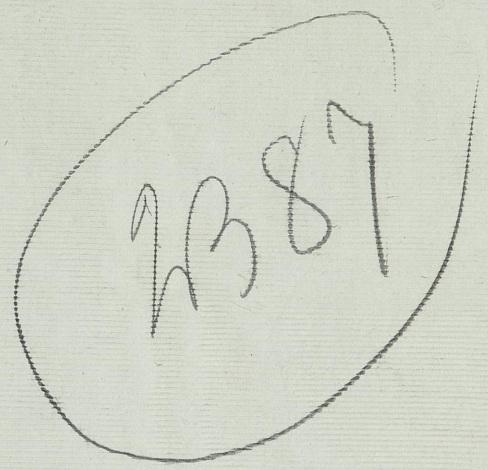
21 215/346

ЗАМѢЧАНІЯ

НА

ПРОЕКТЫ ФИНЛЯНДСКАГО КОМИТЕТА.

U 215/346

17992
A

ЗАМѢЧАНІЯ

на составленные особымъ финляндскимъ временнымъ комитетомъ въ 1885—1887 г.г. проекты кодификаціи основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій Финляндіи.

Съ приложеніемъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

—

1889.

И 215/346

ЗАМѢЧАНІЯ

на составленные особымъ финляндскимъ временнымъ комитетомъ въ 1885—1887 г.г. проекты кодификаціи основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій Финляндіи.

Съ приложеніемъ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.
Типографія Окружнаго Штаба.
1889.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
21150-44

2007086497

I.

Общія замѣчанія по поводу трудовъ комитета.

Во время шведскаго владычества Финляндія была обыкновенною шведскою провинціей, управлявшейся на основаніи общихъ шведскихъ законовъ. Въ эпоху присоединенія ея къ Россіи она дѣлилась на шесть губерній, неимѣвшихъ никакого общаго мѣстнаго управленія и зависѣвшихъ непосредственно отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій и властей въ Стокгольмѣ. Должность Финляндскаго Генералъ-Губернатора, существовавшая прежде, наприм., въ XVII стол. (и возстановленная на нѣсколько лѣтъ около половины XVIII столѣтія), была потомъ совсѣмъ упразднена, и Форма Правленія 1772 г. (въ § 33) даже запретила учрежденіе впредь такой должности *„внутри государства“*. При отсутствіи общаго мѣстнаго управленія финляндскимъ губерніямъ въ шведскихъ законодательныхъ актахъ давалось однако нерѣдко общее собирательное названіе *„Великаго Княжества Финляндскаго“*, пожалованное Финляндіи въ 1581 г. королемъ Іоганомъ III. Впрочемъ въ титулѣ шведскихъ королей названіе *„Великій Князь Финляндскій“*, употреблявшееся въ XVII стол., со времени Карла XII, т. е. съ начала XVIII стол., не употреблялось совсѣмъ.

Такое положеніе занимала шведская Финляндія, когда въ 1808 г., по завоеваніи ея русскими войсками, она Высочайш. Манифестомъ 20-го марта объявлена была присоединенной навсегда къ Россійской Имперіи и отъ обывателей ея повелѣно было принять присягу на вѣрноподданство. Въ другомъ Манифестѣ, изданномъ 5 (17) іюня того же года и обращенномъ непосредственно къ *„обывателямъ новоприсоединенной Финляндіи“*, вмѣстѣ съ указаніемъ на присягу, принесенную ими *„на вѣрное и вѣчное ихъ скипетру Россійскому подданство“* и включеніе ихъ въ *чреду народовъ, скипетру Россійскому подвластныхъ и единую Имперію составляющихъ,“* содержится также указаніе на объявленное уже и раньше, въ прокламаціяхъ главнокомандующаго русской арміей къ жителямъ края, намѣреніе

ИМПЕРАТОРА Александра I сохранить въ краѣ и по присоединеніи его къ Россіи прежніе шведскіе законы, въ немъ дѣйствовавшіе. Это намѣреніе было также подтверждено депутаціи изъ финляндцевъ, прибывшей въ Петербургъ послѣ принесенія общей присяги на вѣрноподданство. Тогда же рѣшено было учредить для Финляндіи особое главное управленіе подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора Финляндскаго, назначеннаго въ декабрѣ 1808 г. Такое рѣшеніе вызвано было, очевидно, вовсе не требованіемъ основныхъ законовъ, дѣйствовавшихъ въ краѣ, и вовсе не „государственно-правовою необходимостью“, какъ это толкуютъ теперь финляндскіе юристы (и въ томъ числѣ и кодификаціонный комитетъ), а просто сознаніемъ неудобства управлять финляндскими губерніями при сохраненіи въ нихъ прежнихъ шведскихъ законовъ изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій въ Петербургѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это было особенной милостью къ покоренному краю со стороны ИМПЕРАТОРА Александра I, желавшаго, чтобы край этотъ управлялся по дѣйствовавшимъ тамъ ранѣе законамъ совѣтомъ изъ мѣстныхъ жителей, знакомыхъ съ этими законами. Для подачи мнѣнія о подробностяхъ въ организаціи этого совѣта и для совѣщаній о нѣкоторыхъ другихъ дѣлахъ, касавшихся устройства новоприсоединенной Финляндіи подъ русскою властью, въ слѣдующемъ 1809 г. созваны были на общее собраніе представители отъ четырехъ сословій—дворянскаго, духовнаго, городского и крестьянскаго, посылавшіеся во время шведскаго владычества на шведскій риксдагъ. Такъ какъ областныхъ сеймовъ въ Шведскомъ государствѣ съ XVII столѣтія не существовало, то финляндскіе сословные представители созваны были на ландтагъ (земскій сеймъ—какъ названо было по-шведски это собраніе въ Манифестѣ о созваніи и называлось потомъ въ официальныхъ актахъ) по правиламъ, дѣйствовавшимъ о шведскихъ риксдагахъ (государственныхъ сеймахъ). По собраніи этого ландтага или сейма въ городѣ Борго въ мартѣ 1809 г., ИМПЕРАТОРЪ Александръ I, прибывшій лично для его открытія, пожелалъ еще разъ передъ сословными представителями подтвердить данное уже ранѣе обѣщаніе о сохраненіи дѣйствовавшихъ въ краѣ шведскихъ законовъ. Съ этою цѣлью и изданъ былъ Всемилостивѣйшій Манифестъ 15 (27) марта 1809 г., прочитанный въ

присутствіи ГОСУДАРЯ Генералъ-Губернаторомъ въ боргоской лютеранской церкви 17 (19) марта послѣ принесенія чинами сейма присяги на вѣрноподданство. Это особое вторичное учиненіе присяги сословными представителями послѣ принесенной уже ими вмѣстѣ съ другими жителями края въ предыдущемъ году общей присяги на вѣрноподданство (по общей русской формѣ) было исполненіемъ стариннаго шведскаго обычая, по которому чины риксдага при торжественномъ провозглашеніи каждаго новаго короля приносили ему присягу по особой формѣ, въ которой перечислялись (такъ же какъ и въ конституціонной присягѣ самого короля) дѣйствовавшіе въ данное время основные государственные законы. Послѣдній разъ такая присяга принесена была шведскимъ риксдагомъ въ 1800 г., при коронованіи короля Густава IV Адольфа. Форма ея, вмѣстѣ съ формой конституціонной присяги самого короля, офиціально обнародована была въ Стокгольмѣ тогда же. По этой-то формѣ и составлена была въ 1809 г. присяга чиновъ финляндскаго ландтага на вѣрноподданство ИМПЕРАТОРУ Александру I. Но въ ней сдѣлано было при этомъ одно измѣненіе, ясно показывающее, какъ понималось тогда примѣненіе къ Финляндіи шведскихъ законовъ и какъ это нужно понимать и теперь. Въ присягѣ чиновъ шведскаго риксдага 1800 г. перечислены слѣдующіе основные государственные законы Шведскаго королевства: Стокгольмское Соглашеніе о престолонаслѣдіи 1742 г., Вестеросское Соглашеніе о престолонаслѣдіи 1544 г., Норчёпингское Рѣшеніе 1604 г. (о томъ же), Форма Правленія 1772 г. и Актъ Соединенія и Охраненія 1789 г. Тѣ же самые законы дѣйствовали въ Шведскомъ государствѣ и въ 1809 г. Но въ присягѣ чиновъ боргоскаго сейма они не перечислены, очевидно, потому, что въ Финляндіи, составлявшей лишь часть Шведскаго королевства, одну изъ его провинцій, послѣ присоединенія ея къ Россіи они не считались и не могли считаться дѣйствующими въ томъ смыслѣ, какъ они дѣйствовали въ Шведскомъ королевствѣ вообще. Они установляли порядокъ престолонаслѣдія и основы государственнаго устройства и высшаго управленія въ независимомъ государствѣ и въ этомъ смыслѣ обязательны были, конечно, для всѣхъ подданныхъ этого государства, и въ томъ числѣ и жителей Финляндіи. Не непосредственнымъ обра-

зомъ они, какъ и всякіе государственные основные законы, по самому существу своему, въ провинціяхъ дѣйствовали, т. е. примѣнялись къ жизни лишь отчасти. Такъ, наприм., тѣ постановленія въ Формѣ Правленія 1772 г. и Акта Соед. и Охр. 1789 г., которыя касаются гофгерихтовъ (изъ которыхъ два было и въ Финляндіи), опредѣленія на должности, дѣленія должностныхъ лицъ на смѣняемыхъ и несмѣняемыхъ безъ суда, землевладѣнія и т. п., примѣнялись непосредственно и въ провинціяхъ и въ Финляндіи они остались въ дѣйствіи и послѣ присоединенія ея къ Россіи. Другія же постановленія (и притомъ большая часть), наприм. тѣ, которыя касаются войны, мира и союза съ иностранными державами, центральныхъ государственныхъ учрежденій въ родѣ Государственнаго Совѣта и государственныхъ коллегій, королевскаго двора и принцевъ королевскаго дома, нераздѣльности королевства, избранія новой династіи, регенства и т. д., могли примѣняться въ провинціяхъ государства и относились къ нимъ лишь въ вышеуказанномъ общемъ смыслѣ—и эти постановленія, не дѣйствовавшія въ Финляндіи непосредственно и до присоединенія ея къ Россіи, тѣмъ болѣе не могли считаться дѣйствующими въ ней послѣ 1809 г. Этимъ-то и объясняется, что въ присягѣ финляндскихъ сословныхъ представителей на вѣрноподданство ИМПЕРАТОРУ Александру I, вмѣсто перечисленія основныхъ государственныхъ законовъ Шведскаго королевства, касавшихся Финляндіи лишь частію, употреблено было общее выраженіе, имѣвшее въ виду только эту, примѣнимую къ Финляндіи часть основныхъ законовъ: чины сейма обязывались соблюдать *„основные законы и установленія сего края таковыми, каковыми они существуютъ и находятся въ дѣйствіи“* (les loix fondamentales et les constitutions de ce pays telles qu' elles existent et sont en vigeur). Въ такомъ же точно смыслѣ слѣдуетъ понимать и выраженіе *„коренные законы“* во Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ 15 марта 1809 г.: утвержденіе Монарха, присоединявшаго къ своему государству новый край, составлявшій раньше часть Шведскаго государства, могло относиться и относилось только къ той части коренныхъ или основныхъ законовъ Шведскаго государства, которая примѣнялась въ новоприсоединенномъ краѣ и до его завоеванія; утверждались не коренные или основные законы Шведскаго го-

сударства вообще, а именно тѣ *„коренные законы, права и преимущества, коими каждое состояніе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющіе, отъ мала до велика, по конституціямъ* (т. е. установленіямъ) *ихъ доселѣ пользовались.“* Кромѣ нѣкоторыхъ частей вышеуказанныхъ государственныхъ основныхъ законовъ, къ основнымъ или коренным законоположеніямъ, вполнѣ дѣйствовавшимъ въ Финляндіи и до ея завоеванія и оставшимся въ дѣйствіи и послѣ того, принадлежали еще два узаконенія (1723 г. и 1789 г.) о шкатовомъ выкупѣ и о шкатовыхъ земляхъ. *) Были утверждены также причисляемыя къ основнымъ законамъ въ обширномъ смыслѣ сословныя привилегіи, дѣйствовавшія по отношенію къ жителямъ Финляндіи такъ же, какъ и по отношенію къ жителямъ прочихъ частей Шведскаго королевства.

Необходимость строго различать въ основныхъ шведскихъ законахъ тѣ части, которыя касались центральныхъ государственныхъ учрежденій шведскихъ и вообще Швеціи, какъ государства, и которыя къ Финляндіи, послѣ ея включенія въ составъ Русскаго государства, не могли имѣть уже никакого отношенія, отъ тѣхъ частей, которыя и до этого времени непосредственно находились въ дѣйствіи въ Финляндіи, какъ шведской провинціи,—ясно доказывается также содержаніемъ и формою законодательныхъ актовъ, изданныхъ въ Финляндіи русскою Верховною Властью какъ въ эпоху боргоскаго сейма, такъ и въ послѣдующее время, и установляющихъ организацію высшаго управленія Финляндіи, какъ автономной провинціи, составляющей часть Россійской Имперіи. Это видно прежде всего изъ содержанія и самаго способа установленія Регламента для Финляндскаго Правительствующаго Совѣта. Совѣтъ этотъ, переименованный въ 1816 г. въ Сенатъ, явился какъ учрежденіе совершенно новое, дарованное Финляндіи русскою Верховною Властью и приспособленное для управленія новоприсоединеннымъ краемъ по мѣст-

*) Кромѣ того кодификаціонный комитетъ причисляетъ къ основнымъ законоположеніямъ шведскаго періода нѣкоторыя узаконенія, нигдѣ не объявленныя основными. Мнѣніе комитета объ этомъ однако не вполнѣ раздѣляютъ другіе финляндскіе юристы. См. объ этомъ подробнѣе въ предисловіи къ издаваемому вмѣстѣ съ симъ „Сборнику дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній и относящихся къ нимъ узаконеній и актовъ.“

нымъ законамъ и для рѣшенія судебныхъ дѣлъ, переносимыхъ изъ низшихъ и среднихъ инстанцій. Рѣшеніе объ учрежденіи для Финляндіи такого особаго главнаго присутственнаго мѣста подъ предсѣдательствомъ Генералъ-Губернатора и самое назначеніе особаго Генералъ-Губернатора состоялось, какъ уже сказано выше, еще въ 1808 г, до окончательнаго утвержденія дѣйствовавшихъ въ Финляндіи шведскихъ законовъ и до созванія сейма въ Борго. По созваніи сейма, составленіе болѣе подробнаго плана этого учрежденія, намѣченнаго раньше лишь въ общихъ чертахъ, поручено было (какъ говорится въ самомъ Регламентѣ), „особенному комитету, составленному изъ гражданъ Финляндіи, отличившихся познаніями и преданностью къ отечеству.“ Кодификаціонный комитетъ полагаетъ при этомъ, что „составители Регламента, повидимому, обработывали свой проектъ имѣя въ виду или, по крайней мѣрѣ, находясь подъ впечатлѣніемъ инструкцій для временныхъ правительствъ, учреждавшихся иногда въ Швеціи при Густавѣ III и Густавѣ IV Адольфѣ“ (см. Проектъ Ф. Пр. для В. Кн. Ф., II, стр. 45). Можетъ быть, такъ и было; но „находиться подъ впечатлѣніемъ“ какихъ-либо образцовъ при составленіи новыхъ законопроектовъ означаетъ совсѣмъ не то, что воспроизводить въ новомъ законѣ прежнія узаконенія, какъ дѣйствующія, и держаться ихъ. Во всемъ Регламентѣ мы не находимъ никакихъ указаній, ни даже намековъ ни на эти инструкціи, ни на другія постановленія шведскихъ законовъ о центральномъ управленіи и его организаціи. Между тѣмъ создавалось учрежденіе новое, шведскому законодательству неизвѣстное. Въ дѣйствовавшемъ тогда основномъ государственномъ законѣ Шведскаго королевства, Формѣ Правленія 1772 г., были довольно точно опредѣлены главныя черты центральныхъ учрежденій королевства: опредѣлялось, наприм., число, составъ и кругъ дѣятельности государственныхъ коллегій, указывались даже въ частности дѣла, которыми они должны были завѣдывать; назывались болѣе подробныя регламентарныя правила, которыми они должны были при этомъ руководствоваться. Если бы при учрежденіи въ Финляндіи Правительствующаго Совѣта опредѣленія эти считались дѣйствующими въ ней и послѣ присоединенія къ Россіи, то въ Регламентѣ было бы непремѣнно такъ или иначе указано, какія именно постановленія Формы Правленія 1772 г. и Акта Соед.

и Охран. 1789 г. отмѣняются или измѣняются Регламентомъ и въ чемъ именно измѣняются. Между тѣмъ въ Регламентѣ (какъ и во всѣхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ объ устройствѣ высшаго управленія въ Финляндіи) нѣтъ даже никакого упоминанія ни о Формѣ Правленія, ни объ Актѣ Соед. и Охр. Дальнѣйшая исторія установленія Регламента также показываетъ, что при учрежденіи Правительств. Совѣта вовсе не считалось нужнымъ сообразоваться съ постановленіями шведскихъ основныхъ законовъ о центральномъ управленіи и потому не соблюдались и обязательно примѣнявшіяся въ Швеціи правила при отмѣнѣ, измѣненіи или поясненіи основныхъ законовъ. Составленный вышеупомянутымъ комитетомъ проектъ отправленъ былъ на Высочайшее разсмотрѣніе въ Петербургъ, измѣненъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тамъ и уже къ концу засѣданій сейма, за нѣсколько дней до его распущенія, онъ сообщенъ былъ сословнымъ представителямъ при отношеніи статсъ-секретаря Сперанскаго, въ которомъ говорилось, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, одобривъ *„планъ общей администраціи для Финляндіи“* (le plandel' administration general de la Finlande), до окончательнаго утвержденія его, *„съ удовольствіемъ освѣдомится о мнѣніяхъ сословій по поводу этого плана“* (verra avec plaisir les avis des etats sur ce plan). Сословные представители созваны были въ Борго, какъ уже сказано, по законамъ, дѣйствовавшимъ о шведскихъ риксдагахъ, потому что областныхъ сеймовъ въ Швеціи не существовало тогда. Но этому финляндскому ландтагу или земскому сейму не придавалось такого значенія, какое имѣли шведскіе риксдаги. Его роль была скорѣе совѣщательнаго, чѣмъ рѣшающаго характера. По дѣйствовавшимъ тогда основнымъ законоположеніямъ о шведскихъ риксдагахъ, при установленіи, отмѣнѣ, измѣненіи или поясненіи основныхъ законовъ постановленное риксдагомъ рѣшеніе должно было издаваться, въ случаѣ его утвержденія, въ качествѣ закона въ такомъ точно видѣ, какъ оно состоялось, иліже вопросъ долженъ былъ оставаться нерѣшеннымъ до слѣдующаго риксдага. Между тѣмъ изъ отзыва, поданнаго чинами боргоскаго сейма о проектѣ Регламента, не всѣ мнѣнія были приняты во вниманіе при послѣдовавшемъ затѣмъ въ томъ же году изданіи Регламента. Такъ во всеподданнѣйшемъ отзывѣ земскихъ чиновъ между про-

чимъ говорится: *) „*Что касается общихъ правилъ въ I Отдѣленіи* (Регламента), *то Земскіе Чины жслаютъ, чтобы, для предупрежденія всякихъ споровъ объ истинномъ смыслѣ, постановлено было, что не старшій членъ* (какъ сказано въ проектѣ), *а членъ занимающій первое мѣсто* (Ledamot som främst i Rätten sitter) *въ правѣ былъ предсѣдательствовать въ отсутствіе Генералъ-Губернатора.*“ При изданіи Регламента это мнѣніе не было принято во вниманіе и въ указанномъ сословными представителями мѣстѣ (Отдѣленіе Первое, § 3) оставлено было находившееся въ проектѣ выраженіе „*старшій членъ*“ (äldste). Впрочемъ и сами чины боргоскаго сейма не придавали своимъ отзывамъ вообще рѣшающаго значенія, какъ это видно изъ актовъ сейма, и даже не считали себя въ правѣ рѣшать объ организаціи высшаго управленія края. Это прямо высказано, наприм., въ протоколѣ засѣданій духовнаго сословія, которое, сообщая другимъ сословіямъ свое мнѣніе о Регламентѣ, говоритъ: „*при глубокомъ всеподданнѣйшемъ уваженіи къ высокому праву* ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *по дѣламъ подобнаго рода Всемилостивѣйше постановлять и рѣшать по своему собственному благоусмотрѣнію. сословіе однако считаетъ себя обязаннымъ, вслѣдствіе Всемилостивѣйшаго повелѣнія* ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, *дать о вышепомянутомъ планѣ слѣдующій отзывъ.*“ **)— Другія мнѣнія чиновъ сейма были приняты во вниманіе при изданіи Регламента, но ни въ этихъ мнѣніяхъ, ни вообще во всемъ отзывѣ сейма о Регламентѣ нѣтъ никакого упоминанія о Формѣ Правленія 1772 г. и Актѣ Соедин. и Охраненія 1789 г. Между тѣмъ, какъ совершенно справедливо полагаетъ и кодификаціонный комитетъ, со стороны земскихъ чиновъ „не могло остаться незамѣченнымъ,“ что въ Регламентѣ есть постановленія, кото-

*) Общіе отзывы чиновъ боргоскаго сейма нигдѣ не опубликованы. Здѣсь сообщается въ переводѣ со шведскаго извлеченіе изъ отзыва о Регламентѣ по копіи съ подлинника, доставленной изъ Финляндскаго Архива.

**) Извлеченіе изъ протокола духовнаго сословія, содержащее въ себѣ мнѣніе этого сословія о Регламентѣ, напечатано въ „Протоколахъ Рыцарства и Дворянства, веденныхъ на сеймѣ въ Борго въ 1809 году“ (ч. II, стр. 410). Самые протоколы духовнаго сословія еще не напечатаны. Изъ „Протоколовъ бюргерскаго сословія“ (напечатанныхъ въ 1886 г.) видно, что это сословіе также не придавало рѣшающаго значенія своему отзыву о Регламентѣ, а представляло лишь свои мнѣнія „на Всемилостивѣйшее разсмотрѣніе и Высочайшее рѣшеніе“ (стр. 172).

рыя никакъ нельзя согласить съ разными постановленіями Формы Правл. и Акта Соедин. и Охраненія. Отсутствіе даже упоминанія объ этомъ въ отзывѣ сейма показываетъ, что сами чины сейма вовсе не считали себя въ правѣ отмѣнять или измѣнять тѣ постановленія шведскихъ основныхъ государственныхъ законовъ, которыя не дѣйствовали непосредственно и раньше собственно въ Финляндіи и тѣмъ болѣе не могли дѣйствовать послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Совершенно безполезно и неумѣстно было бы сейму говорить объ отмѣнѣ или измѣненіи того, что по самому существу своему не могло считаться дѣйствующимъ. Напротивъ, тѣ шведскіе законы, которые непосредственно дѣйствовали въ Финляндіи и до 1809 г. и къ которымъ могло относиться утвержденіе во Всемилостивѣйшемъ Манифестѣ 15-го марта 1809 г., были приняты во вниманіе при составленіи и изданіи Регламента и съ ними считали нужнымъ сообразоваться. Къ такимъ законамъ принадлежало прежде всего Общее Уложеніе 1734 года. На него поэтому и встрѣчаемъ, дѣйствительно, прямыя указанія и въ Регламентѣ, и въ отзывѣ чиновъ сейма. Такъ, наприм., въ томъ мѣстѣ Регламента (Отдѣл. I, глава V, § 28), гдѣ говорится о значеніи рѣшающаго голоса въ уголовныхъ дѣлахъ (при равенствѣ голосовъ), по ходатайству сейма, текстъ Регламента былъ согласованъ съ постановленіями Общаго Уложенія, на которое и сдѣлано было указаніе. То же самое—въ постановленіяхъ о достаточно полномъ числѣ членовъ для законнаго рѣшенія дѣлъ (Отдѣл. II, § 38) и о счетѣ голосовъ въ случаѣ разногласія (§ 39).

Послѣ изданія Регламента Правит. Совѣта, при дальнѣйшемъ установленіи высшаго управленія Финляндіи мы видимъ то же самое, что и при изданіи Регламента: установленіе это происходило совершенно независимо отъ законовъ, опредѣляющихъ организацію центральныхъ государственныхъ учрежденій Шведскаго королевства до 1809 г. Измѣнялся и дополнялся Регламентъ, создавались учрежденія новыя, какъ, наприм., Финляндская Комиссія въ 1811 г., замѣнившій ее Финляндскій Статсъ-Секретаріатъ въ 1826 г., постоянный Комитетъ по финляндскимъ дѣламъ въ 1857 г. и т. д., но все это дѣлалось примѣнительно къ потребностямъ собственно Финляндіи, для управленія ею, какъ частью Имперіи, сохранившею подъ русскою властью прежніе, дѣйство-

вавшіе въ ней ранѣе и оставшіеся въ дѣйствіи шведскіе законы и установленія. Во всемъ финляндскомъ законодательствѣ до шестидесятыхъ годовъ нѣтъ даже никакихъ ссылокъ на Форму Правленія 1772 г. и Актъ Соед. и Охран. 1789 г., и это вполнѣ понятно: большая часть постановленій въ этихъ основныхъ государственныхъ законахъ Шведскаго королевства не имѣла связи съ вновь издаваемыми постановленіями, которыя примыкали болѣе или менѣе тѣсно лишь къ тѣмъ шведскимъ узаконеніямъ, которыя и раньше непосредственно дѣйствовали въ Финляндіи, какъ шведской провинціи.

Такъ происходило на самомъ дѣлѣ. Но не такъ представляетъ это теперь финляндскій кодификаціонный комитетъ при составленіи систематическаго свода дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній. Въ основѣ трудовъ комитета лежитъ понятіе о Финляндіи, какъ особомъ государствѣ, находящемся лишь въ уніи съ Россійской Имперіей. Онъ старается примѣнить поэтому къ Финляндіи и включаетъ въ свой сводъ и такія постановленія основныхъ государственныхъ законовъ Шведскаго королевства, которыя относились къ Швеціи, какъ къ самостоятельному государству, и къ Финляндіи никогда не имѣли непосредственнаго отношенія. Такой пріемъ, несоотвѣтствующій истинному смыслу изданныхъ собственно для Финляндіи законодательныхъ актовъ и составляющій главный недостатокъ работы комитета, объясняется тѣмъ, что на направленіе трудовъ комитета оказала сильное вліяніе особая политическая теорія, появившаяся и распространившаяся въ Финляндіи въ послѣднія три-четыре десятилѣтія и въ особенности съ шестидесятыхъ годовъ и выставляющая Финляндію, какъ самостоятельное конституціонное государство, не входящее совсѣмъ въ составъ Россійской Имперіи, а имѣющее съ нею лишь общаго Монарха, который, занимая Императорскій престолъ въ Россійской Имперіи, занимаетъ въ тоже время великокняжескій престолъ въ Финляндскомъ государствѣ. Этой теоріи не существовало совсѣмъ въ эпоху установленія въ Финляндіи русской власти и въ первыя десятилѣтія послѣ присоединенія Финляндіи къ Россіи. Тогда и въ самой Финляндіи положеніе ея по отношенію къ Россіи понималось всѣми какъ положеніе автономной провинціи, включенной въ составъ Русскаго государства съ сохраненіемъ лишь

прежнихъ шведскихъ законовъ и съ особымъ мѣстнымъ главнымъ управленіемъ. Изъ актовъ боргоскаго сейма видно, что такъ понимали это прежде всего земскіе чины Финляндіи и при обсужденіи между собою вопросовъ, касавшихся устройства Финляндіи подъ русскою властью, и въ своихъ всеподданнѣйшихъ отзывахъ на Высочайшія предложенія. Такъ, наприм., финансовая комиссія сейма въ своемъ докладѣ сейму объ устройствѣ финансовой части, указавъ на то, что „Финляндія имѣетъ въ настоящее время въ ежедневномъ обращеніи двоякаго рода монету: одну—какъ бы унаслѣдованную ею отъ государства, подъ владычествомъ котораго она раньше находилась, и состоящую изъ шведскихъ банковыхъ риксдалеровъ, другую же —*введенную изъ Имперіи, въ составъ которой она* (Финляндія) *нынѣ включена* (införlifvad), и состоящую изъ серебряныхъ рублей,“ и доказывая далѣе, что, вмѣсто ходатайства объ оставленіи шведской монетной системы (какъ предлагали нѣкоторые), нужно ходатайствовать объ окончательномъ введеніи русскаго рубля, въ подтвержденіе своего взгляда приводитъ между прочимъ слѣдующія соображенія: „частію (необходимо предпочесть рубль) потому, что если принять счетъ на риксдалеры, то въ особенности простому народу придется постоянно бороться съ затрудненіями при вычисленіи различныхъ подраздѣленій двухъ родовъ монеты, такъ какъ русскій рубль во всякомъ случаѣ, *при будущихъ частыхъ торговыхъ сношеніяхъ Финляндіи съ внутренними частями Россіи* (inre delarne af Ryssland), будетъ въ обращеніи; частію—потому, что монета иностраннаго государства, каковою въ настоящее время нужно признать шведскіе серебряные риксдалеры, можетъ мало по малу исчезнуть изъ общаго оборота вслѣдствіе запрещенія вывозить изъ страны серебряную монету, запрещенія, которое впредь будетъ примѣняться, можетъ быть, еще съ большею строгостью, между тѣмъ какъ этого не можетъ случиться съ рублемъ; частію же по той причинѣ, что, *разсуждая съ политической стороны, Финляндіи, какъ части великаго государственнаго тѣла* (såsom en del af den stora Rikskråppen), это можетъ доставить тѣмъ или инымъ путемъ лишь неудобство и недовѣріе, *если Финляндія одна приметъ теперь иную главную монетную единицу, чѣмъ ту, которую вообще признали и имѣютъ прочія провинціи Россіи* (Rysslands öfrige

Provincer).“ *) Въ числѣ всеподданнѣйшихъ петицій сейма постановлено было представить между прочимъ такую петицію: „*такъ какъ* крестьянскому населенію по § 4 Корол. Удостовѣренія льготъ и правъ Шведскаго и Финскаго Крестьянства отъ 4-го апрѣля 1789 г. дозволено было впредь такимъ же образомъ, какъ и раньше, *въ предѣлахъ государства* (т. е. королевства Шведскаго) перевозить и продавать свои собственные и своимъ сосѣдямъ принадлежащіе продукты и издѣлія, то чтобы эта льгота, послѣ того какъ *Финляндія теперь присоединена къ Россіи*, могла распространяться на всѣ гавани и мѣстности, принадлежащія *этому государству*.“ **) Чины сейма называли себя во время преній *русскими подданными*. ***) Во всеподданнѣйшихъ отзывахъ, поданныхъ сеймомъ по окончаніи его засѣданій на Высочайшее разсмотрѣніе, сословные представители признаютъ свой край составною частью Русскаго государства.****) Въ законодательныхъ актахъ—какъ изданныхъ для Имперіи вообще, такъ и въ особыхъ финляндскихъ, Финляндія постоянно разсматривалась и разсматривается какъ составная часть Россійской Имперіи, при чемъ въ нѣкоторыхъ актахъ, какъ наприм., трактатахъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными державами, это и выражается нерѣдко прямо и опредѣленно, для предупрежденія недоразумѣній (см. примѣры, приведенные въ Приложеніи). Въ узаконеніяхъ, изданныхъ въ Финляндіи въ

*) См. „Протоколы Рыцарства и Дворянства, вед. на сеймѣ въ Борго въ 1809 г.,“ ч. I, стр. 145 и 147—148.—См. другіе примѣры на стр. 143, 247, 277—278.

**) См. тамъ же, стр. 308.—Такъ понимали земскіе чины боргоскаго сейма тѣ постановленія шведскихъ законовъ, гдѣ говорится о государствѣ. Кодификаціонный же комитетъ старается истолковать ихъ совершенно иначе, примѣняя понятіе о государствѣ къ Финляндіи. См., наприм., Проекты сословн. Привилегій, I, стр. 2 (§ 4).—Далѣе будетъ указано нами также много другихъ примѣровъ.

***) См., наприм., тамъ же, ч. II, стр. 399.—Подъ вліяніемъ вышеуказанной политической теоріи въ послѣднее время нерѣдко употребляется въ Финляндіи въ печати и даже въ официальной перепискѣ выраженіе „финляндскій подданный,“ которое противопоставляется при этомъ понятію „русскій подданный“.—Русскій законъ знаетъ только „финляндскихъ уроженцевъ“ и „обывателей Финляндіи.“ Въ законахъ, изданныхъ въ Финляндіи, обыкновенное названіе для туземныхъ жителей—„финляндскіе граждане,“ а для русскихъ (неприписанныхъ въ Финляндіи),—„Наши подданные, приписанные въ русскихъ губерніяхъ.“

****) См., наприм., отзывъ сейма объ устройствѣ милиціи (на шведскомъ и французскомъ яз.; также отзывъ о монетной системѣ (по рукописной копіи стр. 3 и 25).

первыя десятилѣтія послѣ ея присоединенія къ Россіи, Финляндія или сопоставляется съ *„прочими провинціями“* Россіи (слѣдов. признается тоже *„провинціей“*—см. примѣры въ Приложеніи) и съ *„остальной Россіей“* или называется просто *„краемъ.“* Послѣднее названіе *) примѣняется къ ней постоянно и во всѣхъ послѣдующихъ актахъ до настоящаго времени, но въ то же время *„Великое Княжество Финляндское“* противопоставляется въ нихъ нерѣдко *„Имперіи.“*

Такое колебаніе и неопредѣленность въ редакціи законовъ можно объяснить только неопредѣленнымъ и крайне обособленнымъ положеніемъ, въ какомъ находилась и находится Финляндія по отношенію къ другимъ частямъ Имперіи, и эта-то обособленность административная, законодательная и національная, съ теченіемъ времени не уменьшавшаяся, а все увеличивавшаяся,**) и способствовала появленію и развитію вышеупомянутой теоріи о „Финляндскомъ государствѣ,“ которая замѣтно стала распространяться въ шестидесятыхъ годахъ, когда учреждена была въ Финляндіи особая монетная единица, окончательно установлена таможенная граница съ Россіей и явились періодическіе сеймы.

---

*) Нужно замѣтить, что въ шведскихъ текстахъ финляндскихъ узаконеній названіе это передается всегда словомъ „land“ (страна), которое можно примѣнить и къ провинціи, и къ государству.

**) Одинъ изъ самыхъ наглядныхъ примѣровъ такого постепеннаго удаленія Финляндіи отъ Россіи представляетъ законодательство о русскомъ языкѣ. Вскорѣ послѣ присоединенія края къ Россіи, въ 1812 г. знаніе русскаго языка объявлено было обязательнымъ для всѣхъ лицъ, поступающихъ на общественную службу въ Финляндіи, и назначенъ для этого пятилѣтній срокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ введено было обязательное преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Съ 1818 г. это постановленіе вступило въ силу и при опредѣленіи на духовную, военную и гражданскую службу отъ всѣхъ требовалось представленіе свидѣтельства объ удовлетворительномъ знаніи русскаго языка. Въ 1824 г. отъ представленія такого свидѣтельства освобождены были „впредь до времени“ поступающіе на духовныя должности на томъ основаніи, что въ Финляндіи обнаружился недостатокъ пасторовъ и потому, вмѣстѣ съ назначеніемъ стипендій для студентовъ теологіи въ университетѣ, установлено было для нихъ это облегченіе, „дабы бѣдные студенты теологіи не вынуждены были проводить время въ университетѣ для такихъ занятій, которыя не имѣютъ собственно какой-либо связи съ ихъ будущимъ призваніемъ.“ Въ 1831 г. освобождены были отъ этой обязанности (тоже „впредь до усмотрѣнія“), уже безъ опредѣленнаго указанія на мотивы, поступающіе на учительскія должности въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Потомъ постепенно отмѣнялось обязательное знаніе русскаго языка и для другихъ должностныхъ лицъ, и теперь оно осталось только для чиновниковъ финл. Статсъ-Секретаріата и канцеляріи Генералъ-Губернатора. Обязательное преподаваніе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ было также совсѣмъ отмѣнено въ 1863 г., но потомъ опять установлено въ 1871 г.

Участіе боргоскаго сейма при установленіи Регламента Правит. Совѣта было, какъ мы уже указывали выше, чисто совѣщательнаго характера. Кромѣ проекта Регламента на обсужденіе сословныхъ представителей были тогда переданы еще вопросы объ устройствѣ финансовой части, объ устройствѣ земской милиціи и о сборѣ казенныхъ податей. Изъ изданныхъ послѣ распущенія сейма узаконеній по этимъ вопросамъ, при сличеніи ихъ съ отзывами сейма, видно, что и по этимъ вопросамъ сейму придавалось по преимуществу лишь совѣщательное значеніе и не считалось нужнымъ держаться во всемъ мнѣній, выраженныхъ большинствомъ сейма Такъ, наприм., отношеніе русскаго серебрянаго рубля къ шведской монетѣ опредѣлено было (въ Манифестѣ отъ 29-го дек. 1809 г.) иначе, чѣмъ предлагалъ сеймъ въ своемъ отзывѣ. При опредѣленіи размѣра такъ называемой *„вакантной подати,“* установленной вмѣсто отбыванія воинской повинности натурою въ земской милиціи, принято было не мнѣніе большинства сейма (т. е. трехъ сословій), а мнѣніе, изложенное въ проектѣ хозяйственной комиссіи сейма и отвергнутое большинствомъ сейма (см. Манифестъ 20-го іюля 1810 г.).

Съ 1809 г. до конца царствованія ИМПЕРАТОРА Александра I и въ царствованіе ИМПЕРАТОРА Николая I никакого сейма въ Финляндіи не созывалось. Но за это время, при дальнѣйшемъ развитіи законодательства вообще и въ виду новыхъ потребностей, обнаружилась надобность измѣнить и отмѣнить разныя постановленія такихъ шведскихъ законовъ (наприм. Общаго Уложенія 1734 г.), которые установлены были на риксдагахъ, и такъ какъ сословные представители отъ финляндскихъ губерній тоже принимали участіе въ ихъ установленіи на шведскихъ риксдагахъ, то это сочтено было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы созвать въ Финляндіи опять сеймъ или ландтагъ по образцу боргоскаго. Рѣшеніе о созваніи такого сейма состоялось и официально объявлено было въ 1861 г. Одинъ изъ чиновниковъ Финл. Сената отправленъ былъ Сенатомъ въ Швецію для просмотра въ шведскихъ архивахъ старыхъ сеймовыхъ актовъ и постановленій и для составленія на основаніи ихъ *„свода дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, имѣющихъ примѣненіе къ ландтагамъ въ Финляндіи.“* Въ 1863 г. такой сводъ по распоряженію Сената обнародованъ

былъ въ „*Сборникъ постановл. Велик. Княжества Финляндскаго.*“*) Въ томъ же году созванъ сеймъ. Этотъ сеймъ (какъ и послѣдовавшіе за нимъ сеймы, созывавшіеся въ 1867, 1872, 1877, 1882, 1885 и 1888 гг.) явился уже въ роли настоящаго законодательнаго собранія. На разсмотрѣніе его предлагались правительствомъ законопроекты и если онъ дѣлалъ въ нихъ какія-либо измѣненія или дополненія, то узаконенія издавались потомъ въ такомъ точно видѣ, какъ они были редактированы сеймомъ. Такъ какъ дѣйствовавшія въ Швеціи до 1809 г. постановленія и правила о выборахъ депутатовъ и о порядкѣ обсужденія дѣлъ на сеймахъ оказались по первому же опыту въ 1863 г. неполными и неясными, то въ концѣ 1864 г. назначенъ былъ комитетъ для составленія проекта устава для финляндскаго сейма. Проектъ этотъ разсмотрѣнъ былъ сословными представителями на сеймѣ 1867 г. и редактированъ ими въ формѣ договора между сеймомъ и Монархомъ (по образцу Формы Правленія 1772 г. и Акта Соед. и Охр. 1789 г.); при этомъ сеймъ и въ другихъ отношеніяхъ по этому Уставу поставленъ былъ въ непосредственныя отношенія къ лицу Монарха и тѣмъ придано ему отчасти значеніе, не вполнѣ соотвѣтствующее положенію Финляндіи, какъ края, входящаго въ составъ другого государства. Уставъ былъ утвержденъ въ 1869 г. и объявленъ основнымъ закономъ Финляндіи. Но права сейма въ отношеніи къ законодательству и въ этомъ Уставѣ не были вполнѣ опредѣлены. На практикѣ съ 1863 г. стали примѣняться къ сейму постановленія Формы Правл. 1772 г. и Акта Соед. и Охран. 1789 г. Изъ нихъ въ Сеймовый Уставъ 1869 г. вошли только постановленія о порядкѣ изданія основныхъ законовъ (въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. со включеніемъ сословныхъ привилегій) и отчасти—о наложеніи податей. Оставалось такимъ образомъ еще опредѣлить законодательнымъ путемъ, какія постановленія шведскихъ основныхъ законовъ, не вошедшія въ Сеймовый Уставъ, и въ какомъ видѣ должны считаться дѣйствующими основными законоположеніями Финляндіи. Въ виду

*) Въ этомъ сводѣ появились въ первый разъ не встрѣчавшіяся ранѣе въ финляндскомъ законодательствѣ указанія на Форму Правл. 1772 г. и Актъ Соед. и Охран. 1789 г., какъ на дѣйствующіе основные законы. На §§ 40—43 и 57 Формы Правленія и § 5 Акта Соед. и Охран. сдѣланы были ссылки, какъ на постановленія, примѣнимыя къ финляндскимъ сеймамъ.

этого тому же комитету, который составлялъ проектъ Сеймоваго Устава, поручено было составить проектъ основного уложенія для Финляндіи. Для руководства ему дана была Высочайше утвержденная программа, въ которой предначертаны главнѣйшія основанія проекта.*) На первомъ мѣстѣ въ ней опредѣленно выражено было, что *„Великое Княжество Финляндское, составляющее часть Россійской Имперіи, нераздѣльно соединено съ нею.“* Но составленный комитетомъ (въ 1865 г.)проектъ *„Уложенія для Велик. Княж. Финляндскаго“* не удостоился Высочайшаго одобренія. Съ тѣхъ поръ вопросъ о примѣнимости къ Финляндіи шведскихъ основныхъ законовъ оставался въ прежнемъ положеніи около двадцати лѣтъ. Въ 1884 г. состоялось Высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго временнаго комитета, состоящаго изъ предсѣдателя и четырехъ членовъ, *„съ порученіемъ сему комитету составить систематическій сводъ всѣхъ дѣйствующихъ узаконеній, относящихся къ государственному праву Финляндіи, съ присовокупленіемъ примѣчаній о томъ, что въ практикѣ права стало дѣйствовать взамѣнъ непримѣнимыхъ нынѣ или неполныхъ основныхъ законоположеній.“* **) При началѣ занятій комитета было затѣмъ разъяснено (Статсъ-Секретаріатомъ), что работа комитета должна ограничиться сводомъ только основныхъ законоположеній (а не всѣхъ вообще узаконеній, имѣющихъ отношеніе къ государственному праву). Но особой программы этотъ комитетъ не получилъ.

Въ виду указаннаго уже нами выше полнаго отсутствія преемственной связи (въ смыслѣ измѣненія или отмѣны) между государственными основными законами Шведскаго королевства и появлявшимися съ 1809 г. узаконеніями объ устройствѣ высшаго управленія Финляндіи подъ русскою властью и въ виду невозможности, слѣдовательно, считать первые дѣйствующими фин-

---

*) Программа эта официально не была обнародована. Она напечатана (на шведскомъ языкѣ) въ книгѣ Бергха: Vår styrelse och våra landtdagar („Наше правительство и наши сеймы,“ Гельсингфорсъ, 1884—1888, т. I, стр. 475—476).

**) Отношеніе Министра Статсъ-Секретаря Бруна Г.Финляндскому Генералъ-Губернатору, Графу Ѳ. Л. Гейдену, отъ 9 (21) іюня 1884 г. Въ 1885 г. (Отношеніе Министра Статсъ-Секретаря отъ 16 (28) февраля 1885 г.) комитетъ учрежденъ въ слѣдующемъ составѣ: предсѣдателемъ назначенъ ландсъ-секретарь Выборгской губерніи А. Б. фонъ Вейссенбергъ, а членами—профессоры Александровскаго Университета К. Г. Т. Рейнъ и Р. Ф. Германсонъ, директоръ статсъ-конторы Н. И. Фельманъ и ландсъ-секретарь К. В. Нюстенъ.

ляндскими законами въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются высшаго управленія, комитетъ при кодификаціи могъ бы избрать два способа: или не вносить совсѣмъ въ сводъ никакихъ постановленій объ организаціи высшаго управленія, такъ какъ всѣ они издавались, измѣнялись и отмѣнялись Верховною Властью не въ томъ порядкѣ, какой обязательно соблюдался въ Швеціи и установленъ Сеймов. Уставомъ 1869 г. (§ 71) для Финляндіи относительно изданія и измѣненія основныхъ законовъ, и, слѣдовательно, не подходятъ подъ понятіе объ основномъ законѣ въ томъ значеніи, какое имѣетъ этотъ терминъ въ шведскомъ и финляндскомъ законодательствѣ; а внести только тѣ постановленія шведскихъ основныхъ законовъ, которыя непосредственно дѣйствовали и примѣнялись въ Финляндіи какъ до 1809 г., такъ и послѣ того, и соотвѣтствуютъ положенію Финляндіи, какъ составной части Россійской Имперіи, съ добавленіемъ къ нимъ основныхъ законоположеній, изданныхъ собственно для Финляндіи въ порядкѣ, предписанномъ Сеймовымъ Уставомъ 1869 г. Такого рода систематическій сводъ соотвѣтствовалъ бы понятію о кодификаціи и объ основномъ законѣ. Илиже—комитетъ могъ бы выбрать изъ изданныхъ съ 1809 г. касательно высшаго управленія Финляндіи дѣйствующихъ узаконеній (о Сенатѣ, о Статсъ-Секретаріатѣ и т. д.) наиболѣе важныя и какъ бы коренныя опредѣленія и внести ихъ тоже въ сводъ вмѣстѣ съ настоящими основными законоположеніями; при чемъ, конечно, въ буквальномъ ихъ содержаніи можно бы было дѣлать только такія измѣненія, которыя необходимо вызывались бы требованіями ясности и систематичности. Но въ такомъ перенесеніи важнѣйшихъ опредѣленій о высшемъ управленіи Финляндіи изъ области такъ называемаго административнаго законодательства, находящагося въ исключительномъ распоряженіи Верховной Власти, въ область основного законодательства, для котораго требуется по закону участіе и единогласное рѣшеніе сейма, едва ли есть какая-либо надобность и проектировать его комитетъ не былъ уполномоченъ.

Комитетъ однако не избралъ ни того, ни другого изъ этихъ двухъ единственно возможныхъ способовъ. Исходя изъ понятія о Финляндіи, какъ особомъ государствѣ, понятія, явившагося въ новѣйшее время вслѣдствіе крайне сбособленнаго положенія края подъ русскою властью, комитетъ считаетъ возможнымъ такъ

или иначе примѣнять къ Финляндіи всѣ неотмѣненныя прямо постановленія основныхъ государственныхъ законовъ Шведскаго королевства, допуская исключеніе (и то съ ограниченіями и безъ прямого примѣненія къ Финляндіи соотвѣтствующихъ русскихъ основныхъ законовъ) только для постановленій о царствующей династіи, а отсутствіе естественной преемственной связи между шведскими законоположеніями, относившимися къ Швеціи какъ къ особому государству, и финляндскимъ законодательствомъ замѣняетъ придуманною имъ самимъ теперь, такъ сказать, заднимъ числомъ искусственною связью. Вмѣсто того, чтобы просто сводить дѣйствующія основныя законоположенія, комитетъ задался цѣлью сочинить для „*Финляндскаго государства*“ основной государственный законъ по образцу шведской Формы Правленія съ удержаніемъ даже самаго названія и составилъ проектъ „*Формы Правленія для Великаго Княжества Финляндскаго.*“ Учрежденному ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ I для „*главнаго управленія*“ (выраженіе Регламента Прав. Сов.) Финляндскимъ краемъ Совѣту (Сенату) комитетъ придаетъ при этомъ значеніе верховнаго правительства въ отдѣльномъ государствѣ и власть его основываетъ на постановленіи шведской Формы Правленія 1772 г. (§ 37) о регентствѣ во время отсутствія, болѣзни или несовершеннолѣтія короля (см. Проектъ Формы Пр. для В. Кн. Ф., II, стр. 40—43, 108—109). А такъ какъ постановленія Формы Правленія 1772 г. о центральномъ государственномъ управленіи Шведскаго королевства при самомъ даже широкомъ и довольно произвольномъ толкованіи, какое допускаетъ комитетъ, въ разныхъ пунктахъ оказалось совершенно невозможнымъ согласовать съ Регламентомъ Правит. Совѣта, то комитетъ признаетъ Регламентъ въ этихъ пунктахъ основнымъ закономъ въ томъ же смыслѣ, какъ признавалась основнымъ закономъ въ Швеціи Форма Правленія 1772 г., и старается доказать, что Регламентъ Прав. Совѣта установленъ въ томъ порядкѣ, какой предписанъ былъ шведскими законами для изданія, измѣненія или поясненія основныхъ законовъ, и что онъ, слѣдовательно, подходитъ подъ понятіе объ основномъ законѣ въ шведскомъ (и нынѣшнемъ финляндскомъ) смыслѣ этого термина. Но чисто совѣщательный характеръ участія боргоскаго сейма въ особенности при установленіи Регламента такъ очевиденъ, что

даже въ средѣ самого комитета относительно этого обнаружилось разногласіе; членъ комитета г. Германсонъ находитъ (въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи) невозможнымъ причислять Регламентъ къ законамъ основнымъ и вообще къ изданнымъ при обязательномъ участіи сейма, а относитъ его цѣликомъ къ области „*административнаго*“ законодательства. И дѣйствительно, доводы большинства комитета въ подтвержденіе его взгляда на Регламентъ очень слабы: упуская совсѣмъ изъ виду приведенное выше мнѣніе самихъ чиновъ сейма о характерѣ ихъ участія въ установленіи Регламента, и не упоминая даже объ этомъ, равно какъ и о томъ, что при изданіи Регламента не всѣ предложенныя чинами измѣненія въ проектѣ были приняты, большинство комитета указываетъ (см. Проектъ Ф. Пр. для В. Кн. Ф., II, стр. 7—8) только на то, что шведское слово „utlåtande“ (отзывъ), употребленное въ шведскомъ переводѣ правительственныхъ предложеній боргоскому сейму и въ переводѣ подписаннаго статсъ-секретаремъ Сперанскимъ отношенія земскимъ чинамъ съ увѣдомленіемъ о предстоящей передачѣ на ихъ обсужденіе проекта Регламента, въ шведскомъ офиціальномъ языкѣ XVIII ст. употреблялось будто бы не въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено въ шведскомъ текстѣ Сеймоваго Устава 1869 г. (§ 75), гдѣ оно примѣняется къ такимъ отзывамъ земскихъ чиновъ (о такъ назыв. „административныхъ“ узаконеніяхъ), которые по усмотрѣнію правительства могутъ быть приняты или не приняты во вниманіе при изданіи узаконеній. Но странно, во-первыхъ, основывать какіе-либо выводы на выраженіяхъ перевода, когда рѣчь идетъ объ истинномъ смыслѣ документа и о дѣйствительныхъ намѣреніяхъ лица, писавшаго или подписывавшаго документъ. Подлинныя предложенія и отношенія боргоскому сейму написаны на французскомъ языкѣ и тамъ употребляется слово „avis“ (мнѣнія), которое ни въ какомъ случаѣ нельзя понимать въ смыслѣ обязательнаго для правительства заключенія или рѣшенія земскихъ чиновъ. Притомъ и въ шведскомъ переводѣ оно не во всѣхъ актахъ, относящихся къ боргоскому сейму, передается словомъ „utlåtande“ ; такъ, наприм., въ переводѣ упомянутаго нами выше другого отношенія статсъ-секретаря Сперанскаго (отъ 28-го іюня 1809 г.), при которомъ проектъ Регламента (по разсмотрѣніи его въ Петербургѣ) препровожденъ

былъ въ Борго, слово „avis“ передано выраженіемъ „tanka“ (мысли, мнѣнія). Во-вторыхъ, едва ли правильно и самое указаніе комитета на опредѣленное будто бы значеніе слова „utlåtande“ (отзывъ) въ шведскихъ сеймовыхъ актахъ: въ томъ отрывкѣ изъ актовъ риксдага 1786 г., который приводится въ мотивахъ комитета, это слово, дѣйствительно, примѣняется къ обязательнымъ для правительства заключеніямъ государственныхъ чиновъ, но въ § 8 Рѣшенія риксдага 1779 г. оно же примѣняется и къ отзывамъ риксдага о проектахъ „административныхъ“ или „экономическихъ“ узаконеній (см. Сборникъ, стр. 107). Не могло же въ семь лѣтъ измѣниться значеніе слова.

Комитетъ ничего не упоминаетъ также еще объ одномъ фактѣ изъ исторіи установленія Регламента Прав. Совѣта, ясно показывающемъ, какъ относилось правительство къ участію боргоскаго сейма въ установленіи Регламента; въ представленномъ земскимъ чинамъ проектѣ при изданіи его въ качествѣ закона сдѣланы были разныя измѣненія и дополненія и въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ сеймъ ничего не говоритъ въ своемъ отзывѣ, и, слѣдовательно, одобрилъ въ томъ именно видѣ, какъ они были изложены въ проектѣ. Такъ, наприм., въ § 28 (гл. V) послѣднее предложеніе (*„если Генералъ-Губернаторъ не согласенъ съ мнѣніемъ Совѣта, то можетъ замѣчанія свои на рѣшеніе онаго представить на Высочайшее усмотрѣніе“*) прибавлено при изданіи. Чиновникъ, наблюдающій за правильностью въ дѣлопроизводствѣ Совѣта, въ предложенномъ сейму проектѣ назывался *Адвокатъ-Фискаломъ*; при изданіи же Регламента ему дано названіе *Прокурора Совѣта* и опредѣленно выражено (§ 27), что онъ *„подчиненъ* Генералъ-Губернатору непосредственно“ (въ проектѣ было сказано: *„Адвокатъ-Фискалъ состоитъ* съ Генералъ-Губернаторомъ въ непосредственныхъ *сношеніяхъ*“). Редакція первыхъ двухъ пунктовъ § 33 совсѣмъ измѣнена при изданіи: вмѣсто выраженія *„на разсмотрѣніе Высочайшей власти“* въ 1 п. поставлено выраженіе *„на рѣшеніе Совѣта,“* вмѣсто выраженія „всѣ дѣла, по которымъ *Государственныя* Коллегіи *въ Стокгольмѣ прежде имѣли право суда,“* во 2 п. сказано: „дѣла, которыя прежде *поступали въ разныя Коллегіи*“ и проч. Въ 1 п. гл. I, § 42 въ проектѣ было: *„наблюденіе за порядкомъ*, безопасностью и

полицiей въ краѣ вообще," въ Регламентѣ же: „сохраненіе общаго благочинія, тишины и безопасности вообще." Въ 8 п. I гл. того же § въ проектѣ было: „*составленіе кандидатскихъ списковъ* на мѣста *въ Совѣтѣ*, замѣщеніе коихъ зависитъ отъ ЕГО ИМПЕРАТ. ВЕЛ.," въ Регламентѣ: „*представленіе кандидатовъ* на мѣста, замѣщеніе коихъ" и т. д. §§ 48 и 50 прибавлены при изданіи. Кромѣ того въ разныхъ пунктахъ сдѣланы другія, болѣе мелкія измѣненія въ редакціи проекта. Ничего подобнаго, конечно, не могло бы быть, если бы при установленіи Регламента дѣйствительно руководствовались (какъ ошибочно полагаетъ большинство комитета) §§ 40—42-мъ Формы Правленія 1772 г.*)

А если такъ относились и сами земскіе чины, и правительство къ участію сейма во время установленія Регламента Правит. Совѣта, то иначе они не могли (и не имѣли права) относиться къ этому и впослѣдствіи, и совершенно произвольно предположеніе комитета, будто упоминаніе о Сенатѣ въ тѣхъ новѣйшихъ финляндскихъ постановленіяхъ, которыя законныхъ образомъ признаны и объявлены основными, т. е. въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 г. и извѣстныхъ §§ Устава о воинск. повинности 1878 г., показываетъ, что законоположенія, установляющія Сенатъ, признавались при этомъ основными. Упоминали въ этихъ постановленіяхъ о Сенатѣ потому, что нельзя было обойтись въ извѣстныхъ случаяхъ безъ упоминанія о главномъ управленіи Финляндіи, безъ всякаго отношенія къ тому, установлено ли оно такъ называемыми основными законами, или-же законами, изданными въ иномъ порядкѣ. Выводить изъ этого, какъ дѣлаетъ комитетъ, что Финляндскій Сенатъ есть „*учрежденіе, существующее съ неприкосновенностью, сообщаемою основными законами*" (см. Проектъ Ф. Пр. для В. Кн. Ф., II, стр. 8),— было бы неосновательно: простого упоминанія о Сенатѣ, безъ всякихъ указаній на его составъ, организацію, права и мѣстопребываніе, для такого вывода слишкомъ недостаточно. Еслибъ вмѣсто нынѣшняго Финляндскаго Сената установлено было другое учрежденіе для завѣдыванія главнымъ управленіемъ края, на иныхъ началахъ и въ иномъ составѣ,—то смыслъ Сеймов.

*) Проектъ Регламента Правит. Совѣта, подписанный статсъ-секретаремъ Сперанскимъ и переданный на обсужденіе боргоскаго сейма, напечатанъ (на шведскомъ языкѣ) въ „Протоколахъ бюргерскаго сословія," стр. 388—395.

Устава и Устава о воинск. повинности отъ этого нисколько не измѣнился бы; еслибъ, къ тому же, за этимъ учрежденіемъ оставлено было названіе Сената, то не произошло бы ни малѣйшаго измѣненія даже и въ буквальномъ содержаніи помянутыхъ основныхъ законоположеній.

Желаніе комитета непремѣнно признавать главнѣйшія постановленія о высшемъ управленіи Финляндіи основными законами даже вопреки ихъ истинному свойству можно объяснить именно тѣмъ, что комитетъ, какъ уже сказано, не просто сводилъ основныя законоположенія, а составлялъ для Финляндіи *„форму правленія,“* и обойтись въ ней безъ постановленій о высшемъ управленіи комитету казалось невозможнымъ.

Неправильная исходная точка зрѣнія повлекла за собой въ работѣ комитета цѣлый рядъ неправильныхъ пріемовъ, не соотвѣтствующихъ понятію о кодификаціи: такъ, наприм., комитетъ измѣняетъ текстъ узаконеній позднѣйшихъ (Регламента Прав. Сов. и постановленій о Статсъ-Секретаріатѣ) по узаконеніямъ болѣе раннимъ (Формѣ Правл. 1772 г. и Акту Соед. и Охран. 1789 г.), или вырываетъ разныя постановленія и даже отдѣльныя фразы въ шведскихъ законахъ изъ той связи, въ какой они тамъ находятся, формулируетъ ихъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, видоизмѣняя иногда до неузнаваемости, и вставляетъ потомъ въ свой проектъ уже совсѣмъ въ другой связи, отчего существенно измѣняется ихъ смыслъ, или ссылается на практику, будто бы измѣнившую прежній основной законъ, между тѣмъ какъ то, что находится въ проектѣ, на самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ въ силу узаконеній, изданныхъ послѣ 1809 г. безъ всякаго участія сейма.

Далѣе, при разборѣ отдѣльныхъ параграфовъ составленнаго большинствомъ комитета проекта *„Формы Правленія для В. Кн. Финляндскаго“* мы укажемъ на эти пріемы подробнѣе. А здѣсь, въ заключеніе этихъ общихъ замѣчаній по поводу трудовъ комитета замѣтимъ еще, что названіе *„формы правленія,“* примѣнявшееся обыкновенно къ основнымъ государственнымъ законамъ самостоятельнаго Шведскаго королевства (до Формы Правл. 1772 г. были Формы Правленія 1720 г., 1719 г. и 1634 г.), не соотвѣтствуя положенію Финляндіи, какъ края, составляющаго часть другого государства, не соотвѣтствуетъ и содержа-

нію проекта даже и въ томъ случаѣ если въ немъ оставить включенныя комитетомъ постановленія о высшемъ управленіи: въ шведскихъ „*формахъ правленія*," дѣйствительно, говорилось больше всего о „*правленіи*," т. е. о государственномъ устройствѣ, о высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, ихъ составѣ, правахъ, взаимныхъ отношеніяхъ и т. д.; въ проектѣ же комитета параграфы объ управленіи и законодательствѣ занимаютъ меньшую часть; а большая часть постановленій не имѣетъ прямого и даже никакого отношенія къ „*образу правленія*," при чемъ около трети занимаютъ такія постановленія, касающіяся землевладѣнія и т. п., которыя никогда не входили въ шведскія „*формы правленія*," и заимствованы комитетомъ изъ сословныхъ привилегій и изъ отдѣльно изданныхъ въ 1723 и 1789 гг. основныхъ законовъ о шкатовыхъ земляхъ и выкупѣ ихъ въ полную собственность. Болѣе умѣстны были бы названія: „*Основное Уложеніе Финляндіи*," или: „*Сводъ дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законоположеній*" (Сеймовый Уставъ тогда можно бы было включить тоже въ такой сводъ).

II.

Замѣчанія на отдѣльные параграфы составленнаго большинствомъ комитета проекта „Формы Правленія для Вел. Княжества Финляндскаго."

§§ 1—2.

Крайне обособленное положеніе Финляндскаго края въ составѣ Россійской Имперіи подало поводъ, какъ мы уже указывали, къ появленію политической теоріи о Финляндіи, какъ особомъ государствѣ, находящемся съ Русскимъ государствомъ въ отношеніяхъ уніи, хотя никакой законодательный актъ Финляндскаго государства не создавалъ и даже самаго выраженія „*Финляндское государство*" нѣтъ въ законахъ. *) Не находя для себя основа-

*) Одно выраженіе во введеніи къ Регламенту Прав. Совѣта дало поводъ нѣкоторымъ финляндскимъ писателямъ и юристамъ утверждать, что Финляндія въ Регламентѣ называется „государствомъ." Во французскомъ и

ній въ какихъ-либо прямыхъ и опредѣленныхъ указаніяхъ закона. теорія эта стала искать себѣ опоры въ разныхъ намекахъ официальныхъ актовъ и даже рѣчей, относящихся ко времени установленія въ Финляндіи русской власти. Въ журнальныхъ статьяхъ и вообще въ политической литературѣ финляндской стали собирать и комментировать такіе намеки. Такъ, наприм., въ рѣчи ИМПЕРАТОРА Александра I, произнесенной имъ на французскомъ языкѣ при закрытіи сейма въ Борго, выражено между прочимъ, что финскій народъ *„на будущія времена поставленъ въ число націй.“* Выраженіе это стали теперь толковать въ томъ смыслѣ, что ИМПЕРАТОРЪ Александръ I признавалъ за Финляндіею значеніе особаго государства, такъ какъ, молъ, названіе *„націи“* можно примѣнять только къ народу, имѣющему особое государственное существованіе.*) Точно также слово *„конституція,“* которое употреблялось иногда въ единственномъ или во множественномъ числѣ въ официальныхъ финляндскихъ актахъ, относящихся къ эпохѣ установленія въ Финляндіи русской власти, и примѣнялось то къ тѣмъ постановленіямъ шведскихъ основныхъ законовъ, которыя остались въ дѣйствіи въ Финляндіи, то вообще къ особому устройству и установленіямъ Финляндскаго края подъ русскою властью,**) подало поводъ къ подобнымъ же тол-

---

шведскомъ текстѣ тамъ употреблено именно выраженіе „благо государства,“ которое можно понять и въ общемъ смыслѣ безъ примѣненія къ Финляндіи, тѣмъ болѣе, что въ русскомъ и финскомъ официальномъ текстѣ въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ говорится: „благосостояніе края сего“—см. Сборникъ, стр. 165.—Г. Германсонъ въ своемъ отдѣльномъ мнѣніи также приводитъ указаніе на это выраженіе въ видѣ доказательства въ пользу того, что Финляндію законъ признаетъ государствомъ (см Проектъ Ф. Пр. для В. Кн. Ф. IV, стр. 2). Онъ руководился, повидимому, только шведскимъ текстомъ. Но изъ такого неопредѣленнаго выраженія даже по шведскому тексту едва ли позволительно дѣлать какіе-либо выводы.

*) На самомъ дѣлѣ однако оно примѣнялось тогда и можетъ быть примѣняемо и теперь ко всякому краю и ко всякому народу, имѣющему возможность сохранять и въ извѣстномъ смыслѣ развивать свои мѣстныя и національныя особенности. Населеніе Финляндіи. находясь подъ шведскою властью, почти совсѣмъ лишено было этой возможности: при существованіи тѣхъ же самыхъ законовъ, порядковъ и даже языка (у высшихъ классовъ) оно какъ бы сливалось съ населеніемъ прочихъ частей Шведскаго государства. Послѣ присоединенія края къ Россіи, съ сохраненіемъ прежнихъ законовъ и порядковъ, отличныхъ отъ законовъ и порядковъ прочихъ частей Русскаго государства, финскій народъ этимъ самымъ сталъ уже въ особенное положеніе и въ этомъ смыслѣ о немъ и можно было сказать, что онъ былъ какъ бы поставленъ въ число націй.

**) Въ Высочайшихъ манифестахъ ИМПЕРАТОРЪ Александра I и Николая I объ утвержденіи финляндскихъ законовъ (въ русскомъ текстѣ)

кованіямъ, при чемъ совсѣмъ не принимается во вниманіе, что слово это въ то время употреблялось и по-русски, и по-шведски въ болѣе общемъ и менѣе опредѣленномъ значеніи, чѣмъ теперь (такъ, наприм., въ шведскомъ текстѣ Регламента Правит. Совѣта говорится о *конституціяхъ университета*), и съ 1825 г. оно уже болѣе не употребляется въ финляндскихъ законахъ ни въ единственномъ, ни во множественномъ числѣ.

Но въ особенности укрѣпило теорію придуманное нѣкоторыми финляндскими писателями своеобразное толкованіе присяги на вѣрноподданство ИМПЕРАТОРУ Александру I, учиненной земскими чинами боргоскаго сейма. Присягу эту они стали ставить въ ближайшую связь со Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ объ утвержденіи дѣйствовавшихъ въ Финляндіи законовъ, который прочитанъ былъ послѣ ея принесенія Генералъ-Губернаторомъ, и этому двойному дѣйствію, т. е. принесенію присяги и чтенію Манифеста— придали значеніе договора между ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ I и представителями Финляндіи, договора, установившаго навсегда унію Финляндскаго государства съ Россійской Имперіей: земскіе чины будто бы признали ИМПЕРАТОРА Россійскаго Великимъ Княземъ Финляндскимъ подъ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы онъ управлялъ Финляндіей, какъ особымъ конституціоннымъ государствомъ. Самый Манифестъ стали приравнивать къ конституціонной присягѣ, которую приносили шведствіе короли при вступленіи своемъ на престолъ и при коронованіи, чему помогало отчасти и данное Манифесту въ шведскомъ переводѣ названіе (försäkran, т. е. *„удостовѣреніе, присяга“*), примѣнявшееся къ кон-

---

слово „конституція“ употреблено во множественномъ числѣ въ смыслѣ—вообще законы, установленія. Въ такихъ же манифестахъ ИМПЕРАТОРА Александра II и нынѣ царствующаго Государя ИМПЕРАТОРА оно замѣнено, очевидно, для предупрежденія неправильныхъ толкованій, словомъ „установленія,“ болѣе соотвѣтствующимъ мѣстному, областному характеру особенныхъ учрежденій и законовъ Финляндіи.—См. Сборникъ, стр. 160—161, 305, 326, 337.—Во введеніи къ изданному на французскомъ языкѣ Манифесту 27-го марта 1810 г. о сохраненіи прежнихъ окладовъ жалованья за офицерами, служившими до завоеванія края въ земской милиціи и другихъ расположенныхъ тамъ шведскихъ войскахъ слово „конституція“ (въ единственномъ числѣ) примѣняется, повидимому, къ дѣйствовавшимъ въ Финляндіи до ея завоеванія постановленіямъ шведскихъ основныхъ законовъ и сословныхъ привилегій. То же самое—и въ Манифестѣ 21-го февр. 1816 г. о переименованіи Совѣта въ Сенатъ. Въ другихъ же законодательныхъ актахъ, изданныхъ въ Финляндіи въ царствованіе ИМПЕРАТОРА Александра I, оно не встрѣчается.

ституціонной присягѣ королей. А такъ какъ юридической основы для такого толкованія въ самыхъ этихъ документахъ нѣтъ (ни въ Манифестѣ, ни въ формѣ присяги нѣтъ никакого намека на договоръ), то въ подтвержденіе стали приводить, наряду съ вышеуказаннымъ выраженіемъ изъ рѣчи ИМПЕРАТОРА Александра I при закрытіи сейма, еще другую рѣчь, которую ИМПЕРАТОРЪ произнесъ (также на французскомъ языкѣ) во время обряда принесенія присяги, и въ которой о присягѣ сословныхъ представителей говорится какъ о *„торжественномъ актѣ, укрѣпившемъ связи, соединяющія ИМПЕРАТОРА съ жителями Финляндіи“* Кромѣ того нѣкоторые, какъ, наприм., издатель сборника *„Основные законы Финляндіи,“* г. Мехелинъ, для большаго подтвержденія теоріи предполагаютъ еще существованіе особаго протокола о провозглашеніи ИМПЕРАТОРА Александра I Великимъ Княземъ Финляндскимъ, протокола, на самомъ дѣлѣ однако, какъ оказывается, не существующаго.*)

Этимъ-то ученіемъ о боргоскомъ договорѣ и руководился кодификаціонный комитетъ, сопоставляя въ цитатахъ къ §§ 1 и 2 Всемилостив. Манифестъ 15-го марта 1809 г. съ присягой чиновъ боргоскаго сейма. Изъ этихъ двухъ актовъ онъ выводитъ все содержаніе обоихъ параграфовъ. На самомъ дѣлѣ однако только изъ перваго акта—и то съ извѣстными ограниченіями и съ указаніемъ въ цитатахъ на другіе такого же рода Высочайшіе

*) Помѣщая въ своемъ сборникѣ (изд. въ 1877 г.) помянутыя двѣ рѣчи и Манифестъ 23-го марта 1809 г. (о присягѣ сослов. представителей), г. Мехелинъ говоритъ: „по настоящему они должны бы были образовать особую группу, такъ какъ не относятся ни къ основнымъ законамъ, ни къ постановленіямъ о правительственныхъ учрежденіяхъ. По своему содержанію они должны быть относимы къ актамъ, касающимся договора, заключеннаго въ Борго между ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ I и Земскими Чинами Финляндіи; а по своему государственно-правовому значенію они составляютъ подлинныя доказательства (autentika bevis) существованія и свойства этого договора (fördrag), не будучи однако устанавливающими его источниками (konstituerande urkunderna). Издатель къ сожалѣнію не могъ найти того протокола, который, вѣроятно, велся при актѣ провозглашенія (присяги) въ Борго и который, еслибъ онъ былъ доступенъ, долженъ бы былъ занять въ этомъ сборникѣ первое мѣсто послѣ Удостовѣренія ИМПЕРАТОРА Александра I отъ 27 марта 1809 г.“ —По официальнымъ справкамъ, наведеннымъ нынѣ по распоряженію Его Сіятельства Финляндскаго Генералъ-Губернатора Графа Ѳ. Л. Гейдена, оказалось однако, что никакого протокола не велось во время принесенія сословными представителями присяги и чтенія Всемилостивѣйш. Манифеста объ утвержденіи законовъ, и г. Мехелинъ напрасно искалъ его. Не велось протокола, очевидно, потому, что обряду этому вовсе не придавали тогда такого учредительнаго и договорнаго значенія, какое стараются ему придать теперь.

Манифесты, какъ равносильные съ нимъ—можно выводить содержаніе § 2; первый же § въ той формѣ, въ какой онъ редактированъ комитетомъ, нельзя вывести ни изъ Высочайш. Манифестовъ объ утвержденіи финляндскихъ законовъ, ни изъ присяги земск. чиновъ въ Борго. Послѣднюю едвали даже можно причислять къ законодательнымъ источникамъ: закономъ можно считать надлежащимъ образомъ обнародованное постановленіе о постоянной формѣ присяги, но не такую форму присяги, которая была употреблена однажды и затѣмъ вышла изъ употребленія. Что присягѣ этой не придавалось значенія законодательнаго акта, видно изъ того, что она нигдѣ не была офиціально обнародована и даже рукописные тексты ея для не-дворянскихъ сословій, какъ оказывается, затерялись (см. *Сборникъ*, стр. 164). Стариный шведскій обычай, по которому чины сейма приносили присягу особо каждому новому королю, былъ однажды, т. е. въ 1809 г., исполненъ въ примѣненіи въ Финляндіи, но впослѣдствіи оставленъ, и какъ въ Швеціи такого рода присяга имѣла значеніе только на одно царствованіе, такъ и присяга финляндскаго сейма въ 1809 г. могла имѣть значеніе только на царствованіе ИМПЕРАТОРА Александра I, что ясно видно и изъ текста ея: въ немъ говорится не о Россійскомъ ИМПЕРАТОРѢ или ИМПЕРАТОРАХЪ вообще, а именно объ ИМПЕРАТОРѢ Александрѣ I. Точно также и Всемилостивѣйшій Манифестъ ИМПЕРАТОРА Александра I объ утвержденіи финляндскихъ законовъ могъ имѣть значеніе личнаго обѣщанія только на одно царствованіе: въ ничего не упоминается о Преемникахъ. Въ виду этого совсѣмъ не основательнымъ представляется утвержденіе комитета, что „ИМПЕРАТОРЪ Александръ I издалъ свое удостовѣреніе въ качествѣ представителя правительственной власти въ соединенныхъ странахъ (т. е. Россіи и Финляндіи)), и Земскіе Чины Финляндіи съ своей стороны принесли присягу на вѣрноподданство ИМПЕРАТОРУ и Великому Князю въ качествѣ представителей жившихъ въ то время и всѣхъ послѣдующихъ поколѣній Финляндскаго народа.“

Но если бы даже и признать за этой формой присяги значеніе законодательнаго источника и допустить неумѣстное сопоставленіе ея съ Манифестомъ 15-го марта 1809 г., текстъ § 1 въ проектѣ комитета не будетъ всетаки соотвѣтствовать своимъ цитатамъ. Во-первыхъ, выраженія „*престолъ Великаго Княжества Фин-*

ляндскаго“ нѣтъ не только въ этихъ или другихъ „государственныхъ актахъ на сеймѣ въ Борго“ (какъ это утверждаетъ комитетъ въ своихъ мотивахъ—стр. 13), но и во всемъ финляндскомъ законодательствѣ позднѣйшаго времени. Въ финляндскихъ актахъ есть упоминанія только о престолѣ или тронѣ „*Императорскомъ*,“ (а не „*великокняжескомъ*“), или же—просто о „*престолѣ*“ и „*тронѣ*.“ Такъ, наприм., въ „*Сводѣ дѣйствующихъ постановленій и принятыхъ обычаевъ, имѣющихъ примѣненіе къ ландтагамъ въ Финляндіи*“ (Сборникъ Постан. Велик. Княж. Финляндскаго, 1863 г., № 13, § 15) говорится, что по собраніи чиновъ сейма въ „*государственной залѣ*“ Его Величество приходитъ туда и занимаетъ „*Императорскій тронъ*“ Въ „Сборникѣ Постановл. Велик. Княж. Финляндскаго“ за 1864 г., № 19, также говорится объ „*Императорскомъ тронѣ*“ въ примѣненіи къ Финляндіи. Отсюда слѣдуетъ, очевидно, что и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ упоминается просто о „*престолѣ*“ и „*тронѣ*“ (какъ, наприм., въ Сеймовомъ Уставѣ 1869 г., въ выраженіи „*тронная зала*,“ § 26, или въ Уставѣ о воинск. повинности 1878 г., въ выраженіи „*престолъ и отечество*,“ § 1), вездѣ нужно разумѣть „*единый нераздѣльный престолъ Всероссійскія Имперіи*“ (какъ говорится въ Манифестѣ ИМПЕРАТОРА Александра I отъ 16-го авг. 1823 г.—см. въ Приложеніи стр. 3), а не особый „*престолъ Великаго Княжества Финляндскаго*,“ никѣмъ и никогда не учреждавшійся. *)

*) Кромѣ неправильнаго взгляда на самую сущность отношеній Финляндіи къ Россійской Имперіи и предвзятаго понятія о какой-то „уніи“ между ними, нѣкоторый поводъ употребить такое выраженіе въ проектѣ подала кодификаціонному комитету также ст. 4 въ I т. Свода Зак. Россійск. Имперіи: при буквальномъ толкованіи изъ этой статьи можно, пожалуй, вывести заключеніе о существованіи какъ бы трехъ престоловъ—Россійской Имперіи, Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго Но сличеніе ея съ законодательными актами, появлявшимися до и послѣ составленія Свода, показываетъ однако, что русскій законъ признаетъ лишь одинъ Всероссійскій престолъ, а не три престола, и выраженіе „престолы“ въ Св. Зак. нужно приписать неточности редакціи. По отношенію къ Польшѣ выраженіе „престолъ Царства Польскаго“ прежде имѣло еще нѣкоторое основаніе въ томъ, что существованіе Польши какъ государства утверждено было вѣнскимъ трактатомъ, она имѣла свои основные государственные законы и ИМПЕРАТОРЫ Александръ I и Николай I короновались даже особо какъ Цари Польскіе. Съ тридцатыхъ и въ особенности съ шестидесятыхъ годовъ такого основанія по отношенію къ Польшѣ уже нѣтъ, а по отношенію къ Финляндіи его и никогда не было. По всей вѣроятности, смѣшеніемъ Финляндіи съ Польшей и объясняется неточная редакція, въ какой явилась статья 4 у соста-

Во-вторыхъ, и самые титулы „Великое Княжество Финляндское“ и „Великій Князь Финляндскій“ получаютъ въ проектѣ комитета не тотъ смыслъ, какой они имѣютъ въ дѣйствительности и въ какомъ употреблены и въ указанныхъ въ цитатѣ документахъ: ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій именуется Великимъ Княземъ Финляндскимъ не потому, что „*престолъ Велик. Княж. Финляндскаго соединенъ съ престоломъ Россійской Имперіи*“ и не потому, что земскіе чины боргоскаго сейма „*провозгласили*“ или „*признали*“ ИМПЕРАТОРА Александра I „*Великимъ Княземъ Финляндскимъ*“ (см. мотивы комитета, стр. 14 и 42), а потому, что въ обычаѣ Россійскихъ Государей всегда было принимать титулы вновь включенныхъ въ составъ государства земель, были ли онѣ прежде когда-то особыми государствами, какъ, наприм., Царство Грузинское или Великое Княжество Литовское, или—всегда были и остаются областями другого государства, какъ, наприм., Княжества Корельское и Эстляндское или Великое Княжество Финляндское. Титулъ *Великаго Князя Финляндскаго* въ силу этого обычая принятъ былъ ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ I еще въ январѣ 1809 г., т. е. за нѣсколько мѣсяцевъ *до* присяги сословныхъ представителей и *до* изданія Всемилостив. Манифеста объ утвержденіи законовъ. Первый разъ онъ употребленъ былъ въ Высочайш повелѣніи о созваніи сейма въ Борго, изданномъ 20-го января (1-го февраля) 1809 г.*) На этотъ именно актъ и долженъ бы былъ

вителей Свода. Предполагалось, можетъ быть, что положеніе Финляндіи, какъ государства, имѣющаго свой престолъ, тоже утверждено какими-либо особо для Финляндіи изданными законами. Изъ статьи 4 выраженіе „престолы“ попало также и въ форму присяги Наслѣдника Престола. Въ манифестахъ о вступленіи на престолъ ИМПЕРАТОРА Александра II и нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА (см. въ Приложеніи № XIII) говорится только объ одномъ Всероссійскомъ престолѣ, и на основаніи ихъ необходимо бы исправить и неточную редакцію ст. 4-й (и формы присяги Наслѣдника Престола).

*) Документъ этотъ составленъ былъ на французскомъ языкѣ и собственноручно подписанъ ИМПЕРАТОРОМЪ; но обнародованъ былъ только шведскій переводъ его, засвидѣтельствованный Генералъ-Губернаторомъ Спренгтпортеномъ. Онъ перепечатанъ въ Сборн. Постан. Вел. Княж. Финл., т. I, стр. 13.—Съ тѣхъ поръ титулъ „Великій Князь Финляндскій“ сталъ уже постоянно появляться въ законодательныхъ актахъ, издававшихся въ Финляндіи; но до шестидесятыхъ годовъ онъ употреблялся обыкновенно только въ заголевкахъ актовъ; а въ самыхъ текстахъ для обозначенія Верховной Власти употреблялись (см. наприм. Реглам. Прав. Сов.) тѣ же выраженія, какія употребляются обыкновенно и въ русскихъ законахъ: ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ

сослаться комитетъ въ цитатѣ, а не на Манифестъ 15-го марта, въ которомъ титулъ употребленъ не въ первый разъ, и не на присягу 17-го (29-го) марта, въ которой сословные представители называютъ ИМПЕРАТОРА Александра I Великимъ Княземъ Финляндскимъ на томъ основаніи, что онъ самъ уже принялъ этотъ титулъ ранѣе.

Точно также и положеніе Финляндіи по отношенію къ Россіи слѣдовало основать не на этихъ двухъ актахъ, въ которыхъ принадлежность края къ Русскому государству является какъ уже существующій фактъ: въ Манифестѣ это и указано прямо, а въ присягѣ предполагается, потому что сословные представители приносили эту особую сеймовую присягу будучи уже русскими подданными въ силу общей присяги на вѣрноподданство, принесенной ими ранѣе вмѣстѣ съ прочими жителями.*) Его можно основывать только на тѣхъ актахъ, гдѣ опредѣленно говорится именно о присоединеніи Финляндскаго края къ Россіи. Къ такимъ актамъ относятся: Манифесты 20-го марта и 5-го іюня 1808 г., Фридрихсгамскій трактатъ 5-го (17-го) сентября и Манифестъ о заключеніи мира съ Швеціей 1-го окт. 1809 г. По буквальному ихъ смыслу и по сличеніи со всѣмъ послѣдующимъ законодательствомъ, слѣдовало бы опредѣлить положеніе Финляндіи во-первыхъ какъ *составной нераздѣльной части* Россійской Имперіи и во-вторыхъ—какъ *провинціи*, *области*, имѣющей, кромѣ нѣкоторыхъ общихъ для всей Имперіи законовъ, свое особое законодательство и административную автономію. Такое опредѣленіе могло бы быть выражено, наприм., въ слѣдующей формѣ: „*Финляндія есть автономная область* (или *провинція* или *край*), *составляющая нераздѣльную часть*

ВЕЛИЧЕСТВО или ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ. Съ шестидесятыхъ же годовъ вошло въ обычай употреблять въ такихъ случаяхъ (см. наприм. Сеймов. Уставъ) выраженіе: „ИМПЕРАТОРЪ и Великій Князь.“ Это выраженіе употребляетъ постоянно и комитетъ въ текстѣ своихъ проектовъ и видоизмѣняетъ сообразно съ тѣмъ и текстъ прежнихъ узаконеній.

*) Указанія на эту общую присягу встрѣчаются и въ актахъ боргоскаго сейма: такъ, наприм., во введеніи къ правительственнымъ предложеніямъ сейму говорится, что ИМПЕРАТОРЪ, „надѣясь при этой первой торжественной встрѣчѣ съ финляндскимъ населеніемъ получить ближайшія свѣдѣнія о желаніяхъ и образѣ мыслей своихъ новыхъ подданныхъ, желаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять отъ нихъ вторичную присягу на вѣрность, чтобы тѣмъ прочнѣе еще укрѣпить тѣ связи, какія, по изволенію Промысла, уже соединяютъ его съ этимъ недавно скипетру его подчинившимся народомъ.“

Россійской Имперіи. ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій именуется Великимъ Княземъ Финляндскимъ (или: „*носитъ титулъ Великаго Князя Финляндскаго*“); *иліже: „край**) *сей (провинція, область) въ общемъ составѣ Имперіи и въ титулѣ ИМПЕРАТОРА Всероссійскаго носитъ наименованіе Великаго Княжества Финляндскаго.*“

Нельзя, наконецъ, признать удовлетворительной и редакцію послѣдняго пункта въ § 1. Недостаточно ограничиться такимъ общимъ и неопредѣленнымъ выраженіемъ: на самомъ дѣлѣ не только „*порядокъ престолонаслѣдія*“ и не только постановленія собственно касающіяся престолонаслѣдія, но и большая часть въ основныхъ государственныхъ законахъ Россійской Имперіи распространяется и на Финляндію. Шведскіе династическіе законы, какъ это долженъ признать и самъ комитетъ, для Финляндіи съ 1808 г. уже недѣйствительны, а своихъ подобныхъ же законовъ она не имѣетъ и имѣть не можетъ, входя въ составъ Русскаго государства Кромѣ постановленій „*о порядкѣ наслѣдія престола*“ (ст. 3—17 по Своду Зак. Россійск. Имп., т. I) и *Учрежденія объ Императорской Фамиліи*, которое все цѣликомъ относится и къ Финляндіи, изъ нынѣ дѣйствующихъ русскихъ основныхъ государственныхъ законовъ вполнѣ относится къ Финляндіи также все, что сказано въ Сводѣ „*о совершеннолѣтіи ИМПЕРАТОРА, о правительствѣ и опекѣ*“ (ст. 18—30), „*о вступленіи на престолъ и о присягѣ подданства*“ (ст. 31—34), *о священномъ коронованіи и миропомазаніи*“ (ст. 35—36), „*о титулѣ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и о государственномъ гербѣ*“ и проч. Только нѣкоторыя постановленія, какъ, наприм., „*о законахъ*“ (ст. 47—79) замѣняются для Финляндіи особо изданными законопо-

---

*) Слово „край“ въ примѣненіи къ Финляндіи чаще всего употребляется, особенно въ новѣйшемъ законодательствѣ (въ русскихъ текстахъ). Но для точнаго опредѣленія государственно-правового положенія Финляндіи оно нѣсколько неудобно потому, что не можетъ быть передано съ надлежащею точностью на шведскомъ языкѣ. Въ шведскихъ текстахъ узаконеній (какъ уже упомянуто выше) оно переводится обыкновенно словомъ „land,“ („страна,“ „земля“), которое можно относить и къ провинціи, и къ государству. Кодификаціонный комитетъ, называя Финляндію государствомъ въ своихъ мотивахъ (см., наприм., Проектъ Ф. Пр. для В. Кн. Ф., II, стр. 15, 21, 22, 43 и др.), нигдѣ не рѣшается однако назвать ее такъ въ самыхъ проектахъ, а употребляетъ слово „land“

ложеніями. Въ виду этого послѣдній пунктъ § 1 комитету слѣдовало бы редактировать, наприм., такимъ образомъ: *„основные государственные законы Россійской Имперіи распространяются и на Финляндію во всемъ, въ чемъ имъ точными словами не противорѣчатъ особо дѣйствующія въ Финляндіи узаконенія.“*

Въ Финляндіи эти законы, правда, не были опубликованы особо, но оттого, конечно, нисколько не уменьшается ихъ обязательная сила для обывателей края. Впрочемъ нѣкоторыя измѣненія въ основныхъ государственныхъ законахъ, состоявшіяся послѣ изданія Свода, публиковались особо и въ Финляндіи. Такъ, наприм., въ 1841 г. опубликовано было Финляндскимъ Сенатомъ состоявшееся тогда дополненіе къ ст. 101 Свода (о титулѣ *Цесаревны*—см. Сборн. Постан. Вел. Княж. Финл. на шведск. яз., т. IX, стр. 381.)

Что касается редакціи § 2, то кромѣ упомянутой уже выше неправильности въ цитатѣ (названъ только одинъ Манифестъ 15-го марта 1809 г., между тѣмъ какъ слѣдовало назвать всѣ такого же рода манифесты), нужно еще замѣтить, что въ немъ недостаетъ указанія на общіе для всей Имперіи законодательные акты (кромѣ основныхъ государственныхъ законовъ). Манифесты о вступленіи на престолъ, о правительствѣ и опекѣ (на случай малолѣтства Наслѣдника Престола), о войнѣ и мирѣ, трактаты, декларації и другіе акты издаются для всего государства и имѣютъ силу и для Финляндскаго края.

§ 3.

Слѣдуя договорной теоріи о происхожденіи законодательной и административной обособленности Финляндіи, комитетъ, какъ уже сказано, неосновательно придаетъ особенное учредительное значеніе Всемилостивѣйшему Манифесту 15-го марта 1809 г. (въ связи съ присягой сословныхъ представителей), а послѣдующіе такого же рода манифесты считаетъ актами, которые Россійскіе Государи обязательно должны были издавать, приравниваетъ ихъ къ конституціонной присягѣ шведскихъ королей, и возводитъ это въ дѣйствующій будто бы въ Финляндіи основной законъ, ссылаясь въ подтвержденіе на шведскія постановленія о королевской присягѣ. Но такое приравниваніе непра-

вильно во-первыхъ потому, что издававшіеся Россійскими Монархами *манифесты* объ утвержденіи финляндскихъ законовъ по самому характеру своему и содержанію не имѣютъ ничего общаго съ королевскими *присягами*: ИМПЕРАТОРЫ каждый разъ „*вновь утверждали*“ этими манифестами, какъ Россійскіе САМОДЕРЖЦЫ, мѣстные, особенные основные законы и установленія Финляндскаго края подъ русскою властью и давали на свое царствованіе обѣщаніе *оставлять ихъ въ прежнемъ видѣ* безъ нарушенія, т. е. не вводить *вмѣсто нихъ* въ дѣйствіе въ краѣ *всѣхъ* тѣхъ законовъ и установленій, какія дѣйствуютъ въ остальныхъ частяхъ государства; шведскіе же короли по требованію закона *присягали* въ томъ, что будутъ *управлять* государствомъ конституціоннымъ образомъ, т. е. не будутъ стремиться къ расширенію королевской власти (и отрекались даже отъ „*ненавистнаго королевскаго самодержавія*“); а самые законы дѣйствовали *и безъ ихъ особаго утвержденія* и вновь утверждали они уже только измѣненія и дополненія къ нимъ и новые законы. Россійскіе Монархи могли по своему благоусмотрѣнію *утверждать* или *не утверждать* особые финляндскіе законы смотря по тому, насколько они это находили совмѣстнымъ или несовмѣстнымъ съ *благомъ Имперіи*; въ случаѣ неутвержденія законная власть ихъ въ Финляндіи, какъ краѣ, состоящемъ (по трактату) „*въ собственности и державномъ обладаніи Имперіи Россійской*,“ законною и осталась бы. Со стороны же шведскихъ королей непринесеніе присяги было уже *нарушеніемъ* дѣйствовавшихъ въ государствѣ *помимо ихъ утвержденія* законовъ.

Во-вторыхъ, исторія боргоскаго сейма показываетъ, что шведскія постановленія о королевской присягѣ *не считались* во время присоединенія Финляндіи къ Россіи въ числѣ оставшихся въ дѣйствіи законовъ, и, слѣдовательно, не могутъ считаться дѣйствующими и теперь. Въ сеймовомъ постановленіи 1779 года, въ § 3 (который признается комитетомъ даже за основной законъ) установлена была форма постоянной королевской присяги, и при томъ прибавлено, что такая именно присяга „*должна быть единственною присягою, какую приноситъ каждый Шведскій король своимъ подданнымъ безъ всякаго прибавленія, сокращенія, нарушенія или измѣненія.*“ Въ силу этого постановленія преемникъ Густава III, Густавъ IV Адольфъ, въ 1800

г. при своемъ коронованіи принесъ присягу по такой именно формѣ (съ прибавленіемъ только упоминанія объ Актѣ Соединенія и Охран. 1789 г.). Еслибъ въ 1809 г. оно считалось дѣйствующимъ и въ Финляндіи, какъ оно дѣйствовало тогда въ Швеціи, то его или исполнили бы въ точности, т. е. ИМПЕРАТОРЪ Александръ I принесъ бы присягу по такой формѣ, илиже —измѣнили бы въ такомъ же порядкѣ, въ какомъ оно было издано, т. е. на сеймѣ же, единогласно, какъ основной законъ. Ни того, ни другого однакоже не было на боргоскомъ сеймѣ. А Всемилостивѣйшій Манифестъ 15-го марта никто и не думалъ еще тогда приравнивать къ *обязательной* королевской присягѣ; чины сейма въ своихъ рѣчахъ называли этотъ актъ не иначе какъ „*драгоцѣннымъ подаркомъ*“ (см., наприм., Протоколы бюргерскаго сословія, стр. 11), „великодушно имъ дарованнымъ.“

Послѣдній пунктъ § (о присягѣ народа) такъ же неумѣстенъ и не относится къ дѣйствующимъ законоположеніямъ, какъ и первый: обыватели Финляндіи учиняютъ присягу на вѣрноподданство „*съ своей стороны*“ не потому, что въ XV столѣтіи установлено было въ Швеціи, что по избраніи новаго короля договоръ народа съ нимъ подтверждается взаимною присягою, а потому, что по ст. 33 Основныхъ Госуд. Законовъ Россійск. Имперіи „*вѣрность подданства воцарившемуся ИМПЕРАТОРУ и законному Его Наслѣднику, хотя бы онъ и не былъ наименованъ въ манифестѣ* (о восшествіи на престолъ) *утверждается всенародною присягою.*“ Издававшіеся въ 1825, 1855 и 1881 гг. манифесты о восшествіи на престолъ публиковались и въ Финляндіи, и жители приносили присягу на основаніи заключавшагося въ нихъ повелѣнія о томъ.

§ 4.

Постановленія о томъ, что отъ Велик. Княж. Финляндскаго нельзя отдѣлять никакой части,—нѣтъ нигдѣ въ дѣйствующихъ законахъ. Комитетъ выводитъ его изъ старыхъ шведскихъ узаконеній, запрещавшихъ раздачу леновъ и удѣловъ. Но эти узаконенія могли имѣть значеніе только въ то давнее время, когда такой обычай, дѣйствительно, существовалъ; теперь же они не имѣютъ никакого смысла. А § 34 Формы Правл.

1772 г., на который также ссылается комитетъ, можетъ быть примѣняемъ только къ особому, самостоятельному государству, имѣющему притомъ свою царствующую династію. Онъ установляетъ единодержавіе въ Шведскомъ королевствѣ и направленъ противъ существовавшаго у шведскихъ королей до XVII стол. обычая раздавать своимъ сыновьямъ и другимъ принцамъ королевскаго дома области въ видѣ герцогствъ и княжествъ, въ которыхъ принцы пользовались разными правами владѣтельныхъ государей. Въ силу этого именно обычая произошло и само Великое Княжество Финляндское или Герцогство Финляндское, какъ оно сперва называлось, когда дано было въ удѣлъ въ XVI ст. королемъ Густавомъ I сыну его Іогану. Такимъ образомъ, въ примѣненіи собственно къ Финляндіи помянутый § до 1808 г. имѣлъ то значеніе, что тому или другому принцу королевскаго дома можно было давать „*для почести*“ титулъ „*Великаго Князя Финляндскаго*.“*) но принцъ этотъ не могъ имѣть никакихъ владѣтельныхъ правъ на Финляндію, и ее нельзя было выдѣлять какъ бы въ особое государство и измѣнять вообще ея положеніе какъ шведской провинціи, зависѣвшей отъ центральныхъ государственныхъ учрежденій въ Стокгольмѣ. Послѣ же того какъ Великое Княжество Финляндское присоединено было къ Россіи и перешло „*въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской*“ (Фридрихсгамскій трактатъ 5-го сент. 1809 г., ст. IV), такое постановленіе шведскихъ основныхъ государственныхъ законовъ могло бы считаться дѣйствующимъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что Финляндію нельзя давать въ удѣлъ члену Императорскаго Дома и вообще какимъ бы то ни было образомъ выдѣлять изъ состава Имперіи. Но единство Всероссійской Имперіи,—эта основа ея силы и могущества, создававшаяся вѣковыми усиліями Русскихъ Государей и Русскаго народа,—не можетъ зависѣть отъ тѣхъ или другихъ опредѣленій шведской Формы Правленія 1772 г., а должно находить для себя выраженіе только въ собственныхъ основныхъ законахъ Имперіи, распространяющихся и на ея финляндскую окраину.

*) Такой титулъ и былъ, дѣйствительно, данъ королемъ Густавомъ IV Адольфомъ второму сыну его Карлу Густаву незадолго до покоренія Финляндіи Россіей, въ 1802 г.

Между тѣмъ комитетъ старается примѣнить къ Финляндіи это постановленіе совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ и для этого беретъ изъ § 34 Формы Правл. 1772 г. только послѣднюю фразу: „*и которыя* (т. е. всѣ Герцогства и Княжества Шведскаго королевства) *всегда должны оставаться безъ уменьшенія* (т. е. безъ выдѣленія какого-либо изъ нихъ изъ подъ власти короля подъ власть принцевъ) *и раздробленія соединенными подъ властью одного Главы и Правителя*“ и выводитъ изъ нея для Финляндскаго края принципъ „*неотъимости государственной территоріи*“ (см. мотивы, стр. 18). Но то, что комитетъ называетъ „*государственной территоріей*“ края, есть лишь часть государственной территоріи Россійской Имперіи, и хотя между Петербургомъ и Выборгомъ есть *таможенная* граница, русская *государственная* граница проходитъ все-таки совсѣмъ не тамъ. Повидимому, включая въ свой проектъ § 4, комитетъ подъ видомъ будто бы дѣйствующихъ старыхъ шведскихъ законовъ хотѣлъ закрѣпить „съ неприкосновенностью основного закона“ нынѣшнія границы Великаго Княжества со стороны другихъ частей Имперіи. Такое закрѣпленіе противорѣчитъ однако и характеру узаконеній, установившихъ эти границы, и практикѣ: узаконенія, опредѣляющія нынѣшнія границы Финляндіи, т. е. Высоч. Объявленіе 2-го ноября 1809 г. о присоединеніи къ Улеборгской губерніи части шведской провинціи Вестерботніи (къ Великому Княжеству Финляндскому никогда раньше не причислявшейся) и два Высоч Манифеста отъ 11-го дек. 1811 г. о присоединеніи къ Финляндіи бывшей Финляндской губерніи подъ именемъ Выборгской (см. *Сборникъ*, стр. 346—349)—изданы (безъ всякаго участія сейма) не въ видѣ основныхъ законоположеній и, слѣдовательно, такимъ же порядкомъ могутъ быть и измѣняемы или отмѣняемы. Постановленіе о Выборгской губерніи и было, дѣйствительно, измѣнено (тоже безъ всякаго участія сейма) въ 1864 г въ томъ отношеніи, что часть этой губерніи присоединена *) къ С.-Петербургской губерніи (см. Сборн. Пост. Вел. Кн. Ф, 1864 г., № 5).

*) При этомъ объявлено, что „въ вознагражденіе за означенную землю“ будутъ присоединены къ Финляндіи другія земли Повсей вѣроятности, такое заявленіе включено было вслѣдствіе допускаемаго нынѣ и кодификаціоннымъ комитетомъ неправильнаго толкованія шведскихъ узаконеній о раздачѣ леновъ изъ королевскихъ земель и о единодержавіи въ Шведскомъ королевствѣ.

§§ 5—6.

Комитетъ (какъ онъ объясняетъ въ своихъ мотивахъ, стр. 21) только потому не далъ лютеранской церкви въ Финляндіи названія *„государственной церкви,“* что подъ этимъ выраженіемъ „часто разумѣется такая церковь, которая совершенно сливается съ государствомъ,“ а предпочелъ названіе *„публичной“* (offentliga — *официальной“*) *„религіи страны.“* Во всякомъ случаѣ, по проекту комитета *лютеранская* церковь *одна* является *господствующею* церковью края, а *православіе*, господствующая вѣра всей Имперіи (по ст. 40 Основн. Госуд. Законовъ), представляется лишь *терпимымъ* въ краѣ вѣроисповѣданіемъ, которому проектъ даетъ нѣкоторыя преимущества передъ другими не-лютеранскими вѣроисповѣданіями, *но съ ограниченіями* (относительно, наприм., учрежденія монастырей). Между тѣмъ, для лютеранства такого положенія—единственно господствующей въ краѣ церкви,—никоимъ образомъ нельзя вывести ни изъ Всемилостив. Манифеста 15-го марта 1809 г., на который ссылается комитетъ, ни даже изъ указанныхъ въ цитатѣ шведскихъ узаконеній въ томъ видѣ, какъ ихъ слѣдуетъ понимать въ примѣненіи къ Финляндскому краю подъ русской властью. Въ Манифестѣ 15-го марта просто утверждается и удостовѣряется для жителей края ихъ религія, т. е. *утверждается ея безпрепятственное и свободное отправленіе* подъ русскою властью, а вовсе не исключительное *господство* лютеранства. Исключительнаго господства лютеранскаго вѣроисповѣданія *православный* ГОСУДАРЬ *не могъ* утвердить уже потому, что часть *коренныхъ* жителей шведской Финляндіи, къ которой относился Манифестъ, исповѣдывала православную вѣру (Либелицкій и Иломанцкій приходы въ нынѣшней Куопіоской губ.); а съ присоединеніемъ къ Финляндіи въ 1811 г. Выборгской губерніи число православнаго финскаго населенія еще значительно увеличилось. Въ виду этого и постановленія § 1 Формы Правл. 1772 г. и Привилегій Духовенства 1723 г. о томъ, что король и всѣ подданные Шведскаго королевства должны исповѣдывать лютеранскую вѣру, не могли быть утверждены и не могли считаться дѣйствующими въ Финляндіи послѣ ея покоренія. Комитетъ признаетъ самъ, что „обязательство Монарха исповѣдывать евангелическо-лютеранскую вѣру утратило значеніе вслѣдствіе провоз-

глашенія ИМПЕРАТОРА Россіи—Великимъ Княземъ Финляндіи.“ Но этого мало: „*вслѣдствіе провозглашенія ИМПЕРАТОРА Великимъ Княземъ*,“ какъ выражается комитетъ, или вслѣдствіе включенія Финляндскаго края въ составъ Имперіи, какъ бы слѣдовало сказать точнѣе, утратили значеніе дѣйствующихъ законовъ не только шведскія постановленія о вѣроисповѣданіи Монарха, но и узаконенія, опредѣлявшія лютеранство какъ исключительно господствующую вѣру, *поскольку они касались господства надъ православіемъ*, потому что ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій, обладающій Финляндіей какъ составною частью Имперіи, есть *не только* ГОСУДАРЬ православнаго вѣроисповѣданія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и „*верховный хранитель и защитникъ православной вѣры*“ (Основн. Государств. Законы, ст. 42).

Православная Церковь, такимъ образомъ, должна занимать въ краѣ положеніе во всякомъ случаѣ—*совершенно одинаковое* съ лютеранской, и комитету это и слѣдовало бы выразить въ § 5 проекта. А соотвѣственно этому должна тогда измѣниться и редакція § 6. Содержаніе его заимствовано изъ § 7 Рѣшенія шведскаго риксдага 1779 г., гдѣ относительно всѣхъ иновѣрцевъ безъ различія постановлено, „чтобы *не учреждалось монастырей* и не допускались и не терпѣлись монахи какой бы то ни было религіи и секты,“ и „чтобы употребительныя въ чужихъ религіяхъ публичныя процессіи и церемоніи имъ воспрещались для избѣжанія развращающихъ поводовъ къ заблужденіямъ и соблазну среди простыхъ людей.“ Если признать за православнымъ населеніемъ Финляндіи право на *полную* религіозную свободу, право, несомнѣнно вытекающее изъ самаго факта принадлежности края къ Имперіи, то и всѣ эти ограниченія свободнаго отправленія религіи безусловно должны считаться по отношенію къ православнымъ недѣйствительными. Между тѣмъ комитетъ произвольно выбираетъ изъ нихъ ограниченіе относительно учрежденія монастырей и поясняетъ (въ мотивахъ), что оно относится и къ православнымъ, такъ какъ не было отмѣнено „ни посредствомъ закона, ни путемъ обычая.“ Но отмѣнять особо стѣсненія религіозной свободы для *православныхъ* жителей края послѣ присоединенія его къ Россіи было бы такъ же странно и неумѣстно, какъ отмѣнять для Финляндіи особыми законами прежнія шведскія постановленія о вѣроисповѣданіи Монарха, о престолонаслѣдіи, о центральныхъ государствен-

ныхъ учрежденіяхъ и т. д. Само собой разумѣется, что дѣйствіе ихъ по отношенію къ Финляндскому краю подъ русскою властью прекратилось съ 1808 г. А путемъ обычая дѣйствовавшее въ шведскій періодъ запрещеніе учреждать православные монастыри не успѣло еще измѣниться, и если до сихъ поръ не было, то впредь можетъ явиться у православныхъ жителей края благочестивое желаніе основать новую обитель, кромѣ уже существующихъ въ Выборгской губерніи двухъ монастырей (въ которыхъ не мало иноковъ и изъ мѣстнаго финскаго населенія).

Нельзя также и въ остальномъ одобрить редакцію § 6: запрещенія открывать школы и т. д. явились въ такое время, когда лютеранство было *исключительно господствующей вѣрой*: теперь же православіе занимаетъ (или по крайней мѣрѣ должно занимать) *равное* съ нимъ положеніе, и такого рода запрещенія въ пользу только лютеранъ представляются уже въ видѣ *особыхъ преимуществъ* для лютеранства. Кромѣ того, выраженіе *„заниматься миссіонерскою дѣятельностью“* (вмѣсто употребленнаго въ источникѣ:*„принимать или посылать миссіонеровъ внутри или внѣ государства“*)—слишкомъ неопредѣленно и можетъ подать поводъ къ обвиненіямъ въ нарушеніи запрещенія и въ такихъ случаяхъ, когда миссіонеровъ въ собственномъ смыслѣ и не существуетъ.

Наконецъ, нужно замѣтить, что и весь этотъ § едвали не цѣлесообразнѣе было бы совсѣмъ не вносить въ сводъ, такъ какъ принадлежность § 7 Рѣшенія риксдага 1779 г. къ основнымъ законоположеніямъ весьма сомнительна: объявленъ основнымъ закономъ онъ не былъ, и самъ комитетъ признаетъ, что онъ изданъ не въ томъ порядкѣ, какой предписанъ для основныхъ законовъ, а г. Германсонъ какъ по этой причинѣ, такъ и по другимъ причинамъ (разъясненнымъ въ его отдѣльномъ мнѣніи), не считаетъ возможнымъ относить его къ основнымъ законамъ и въ свой проектъ не включаетъ.

§§ 7—8.

Эти §§ должны быть измѣнены согласно съ изданнымъ недавно новымъ основнымъ закономъ (см. *Сборникъ*, стр. IV).

§§ 10—11.

Выраженіе *„онъ и никто другой управляетъ“* и т. д. въ

Формѣ Правленія 1772 г. (§ 2) имѣло тотъ смыслъ, что утверждало за королемъ полную административную власть, присвоенную въ предыдущій періодъ господства аристократіи государственными совѣтниками; съ другой стороны (какъ поясняетъ комитетъ), оно „*обязывало*“ Монарха управлять королевствомъ лично. Ни то, ни другое въ примѣненіи къ Финляндскому краю не можетъ имѣть такого именно смысла (какъ это отчасти признаетъ и комитетъ), и потому это опредѣленіе едва ли не лучше было бы совсѣмъ выпустить; комитетъ его нѣсколько видоизмѣнилъ и толкуетъ (какъ и §§ 1—3) въ томъ смыслѣ, что оно выражаетъ „*свойство Финляндскаго государства, какъ конституціонной монархіи.*“ Неумѣстно затѣмъ какъ въ этомъ выраженіи, такъ и далѣе, во всемъ § 10 и первой половинѣ § 11 отнесеніе опредѣленій къ лицу Монарха: все это удобнѣе было бы относить вообще къ „*правительству*“ и гораздо сообразнѣе съ положеніемъ края, какъ составной части Русскаго государства, а не особой монархіи.

Запрещеніе чрезвычайныхъ судебныхъ комиссій, депутацій (т. е. комитетовъ депутатскихъ) и т. д.— появилось въ Формѣ Правленія 1772 г. для предупрежденія на будущее время допускавшагося въ „періодъ свободы“ произвола при осужденіи политическихъ враговъ, когда господствующая на сеймѣ партія часто назначала изъ своей среды чрезвычайныя судилища. Такимъ образомъ, запрещеніе это имѣло особенное значеніе въ примѣненіи именно къ той эпохѣ въ исторіи Швеціи. О назначеніи какихъ-либо чрезвычайныхъ судилищъ финляндскимъ сеймомъ съ политическою цѣлью, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Комитетъ включаетъ вестаки запрещеніе въ сводъ и придаетъ ему уже общее значеніе. Если его и оставить, то необходимо бы прибавить: „*въ мирное время,*“ потому что во время войны учрежденіе чрезвычайныхъ судилищъ легко можетъ быть вызвано необходимостью.

§ 12.

Постановленія, включенныя комитетомъ въ этотъ §, могутъ имѣть значеніе только въ законахъ особаго, самостоятельнаго государства, а никакъ не въ мѣстныхъ законахъ края, составляющаго нераздѣльную часть другого государства: Финляндскій край

самъ по себѣ начинать войну и заключать миръ или союзъ ни съ кѣмъ не можетъ. Какъ бы поступилъ комитетъ въ томъ случаѣ, еслибы Форма Правленія 1772 г., на которую онъ ссылается и которая запрещала королю начинать войну безъ согласія риксдага, не была измѣнена въ этомъ пунктѣ Актомъ Соед. и Охр. 1789 г.? Поставилъ бы онъ тогда право Россійскаго Монарха начинать войну въ зависимость отъ согласія финл. сейма, или нѣтъ? Еслибы не поставилъ, то такъ же неумѣстно и предоставлять такое право на веденіе войны и заключеніе договоровъ. Относительно договоровъ не-политическихъ комитетъ при этомъ поясняетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 26—27), что если они противорѣчатъ финляндскимъ законамъ, то слѣдуетъ *предварительно* (т. е. до заключенія договора) получить согласіе финл. сейма. Но на самомъ дѣлѣ торговые и другіе договоры, конечно, заключаются и будутъ заключаться Россіей независимо отъ того, противорѣчатъ они, или нѣтъ финляндскимъ законамъ, и только уже *послѣ* заключенія договора, если встрѣтится законное препятствіе при примѣненіи его къ Финляндіи, оно можетъ быть устраняемо установленнымъ порядкомъ.

Даже г. Германсонъ, который тоже не считаетъ Финляндію частью Россійской Имперіи (см. его отдѣльн. мнѣніе, стр. 2—3), находитъ „*болѣе сообразнымъ*“ выпустить изъ „финляндской Формы Правленія“ опредѣленіе о правѣ начинать войну и заключать миръ; такимъ же образомъ слѣдовало бы поступить и большинству комитета.

Точно также неумѣстны и особыя опредѣленія о правѣ Монарха распоряжаться „*военными силами и укрѣпленіями Финляндіи.*“ „Военныя силы“ ея, т. е. финскіе стрѣлковые батальоны (и драгунскій полкъ), составляютъ *часть* россійской арміи, и слѣдовательно, подчиняются и общему съ нею начальству, а своихъ особыхъ (т. е. управляемыхъ по финляндскимъ законамъ) укрѣпленій, пригодныхъ для военныхъ цѣлей, край совсѣмъ даже и не имѣетъ; тѣ старинныя укрѣпленія, какія находятся въ завѣдываніи мѣстныхъ финляндскихъ властей (какъ, наприм., Нейшлотское), имѣютъ лишь археологическое значеніе.

§ 14.

Комитетъ самъ соглашается, что ограниченіе права возводить

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

въ дворянское достоинство въ Швеціи имѣло лишь временное значеніе, вслѣдствіе слишкомъ большого количества дворянъ (какъ и сказано прямо въ Формѣ Правл. 1772 г.), однакоже включаетъ въ проектъ на томъ основаніи, что оно не было прямо отмѣнено; но именно при кодификаціи и слѣдуетъ выпускать устарѣвшія узаконенія: прямой отмѣны часто не бываетъ для такихъ постановленій, которыя утратили значеніе по измѣнившимся обстоятельствамъ. Меньшинство комитета указывало, затѣмъ, на то, что ограниченіе не включено въ Уставъ Рыцарскаго Дома 1869 г. и, слѣдовательно, не считалось дѣйствительнымъ по отношенію къ финляндскому „рыцарскому дому“ (учрежденному ИМПЕРАТОРОМЪ Александромъ I по ходатайству финляндскихъ дворянъ). Большинство комитета возражаетъ на это въ мотивахъ (стр. 29), что въ § 2 Устава есть указаніе на § 11 Формы Правл 1772 г. и что, слѣдовательно, дворянство тогда удержало за собой право на помянутое ограниченіе, принадлежавшее шведскому „рыцарскому дому.“ Но это указаніе такъ нельзя понимать: оно относится, очевидно, въ первой части § 11, гдѣ опредѣляются основанія для возведенія въ дворянство. Еслибы, дѣйствительно, считалось умѣстнымъ устанавливать какія-либо ограниченія права Монарха увеличивать число собственно финляндскихъ дворянъ, то это и было бы выражено въ опредѣленной формѣ, тѣмъ болѣе, что ограниченіе въ § 11 Формы Правл. 1772 г. въ той формѣ, въ какой оно тамъ находится, непримѣнимо къ финляндскому рыц. дому; комитетъ его видоизмѣнилъ и при этомъ безъ всякаго основанія изложилъ въ формѣ положительнаго запрещенія, между тѣмъ какъ въ источникѣ оно имѣетъ видъ *лишь пожеланія*

§ 15.

Въ текстѣ проекта комитетъ употребляетъ выраженіе „*финскіе граждане*,“ а въ мотивахъ—„*финскіе подданные*,“ изъ чего видно, что онъ считаетъ оба эти выраженія равнозначущими, и говоритъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ текстѣ, такъ и въ мотивахъ о „*натурализаціи*“ иностранныхъ подданныхъ, не дѣлая никакого различія между иностранными подданными, получающими права финляндскаго гражданства, и русскими, приписывающимися въ число „финскихъ гражданъ.“ Между тѣмъ

такое различіе въ дѣйствительности существуетъ, и это нужно бы было выразить и въ проектѣ. „*Финляндскихъ подданныхъ*“ собственно не можетъ быть, потому что ни международные трактаты, ни законы не признаютъ никакого Финляндскаго государства, а могутъ быть только *россійскіе подданные, приписанные въ Финляндіи*, т. е. подчиненные финляндскимъ законамъ, и *россійскіе подданные, приписанные въ другихъ частяхъ Имперіи*. Иностранные подданные, приписываясь въ Финляндіи, *перемѣняютъ* вмѣстѣ съ тѣмъ *подданство* и приносятъ вѣрноподданническую *присягу*; россійскіе же подданные, приписанные внѣ Финляндіи, приписываясь въ краѣ, т. е. становясь гражданами финляндскими, *подданства не перемѣняютъ* и никакой новой *присяги не приносятъ*, и по отношенію къ нимъ выраженіе „*натурализація*“ не совсѣмъ точно.

§ 17.

Въ первые два года по присоединеніи Финляндіи къ Россіи не было никакого особаго учрежденія для доклада Монарху касавшихся края дѣлъ: они докладывались Сперанскимъ, занимавшимъ должность въ Государственномъ Совѣтѣ и имѣвшимъ званіе статсъ-секретаря по этой должности. Въ 1811 г. издана была Высоч. Инструкція, установившая для „*разсмотрѣнія и пріуготовленія*“ финляндскихъ дѣлъ особую Финляндскую Комиссію, которая состояла изъ Предсѣдателя и трехъ или болѣе членовъ, опредѣляемыхъ „*изъ обывателей Финляндіи;*“ въ составъ комиссіи входилъ также, въ качествѣ члена ея, „*Статсъ-Секретарь финляндскихъ дѣлъ,*“ докладывавшій дѣла сперва въ засѣданіяхъ Комиссіи, а затѣмъ, по обсужденіи ихъ тамъ и составленіи записки (на основаніи протокола),—Монарху. По § 25 Инструкціи возложено было „*на отвѣтственность Комиссіи, чтобы исполненія* (по Высочайшимъ рѣшеніямъ) *были сообразны съ Высочайшимъ разрѣшеніемъ и точно таковы, какъ они записаны будутъ въ журналахъ.*“ Въ 1826 г. изданъ Высочайшій Манифестъ „*объ упраздненіи Комиссіи финляндскихъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и объ учрежденіи Статсъ-Секретаріата для Великаго Княжества Финляндскаго.*“ Въ заключающейся въ этомъ Манифестѣ Инструкціи Статсъ-Секретаріату опредѣлено было, между прочимъ, въ точности, какіе акты подписываются Мо-

нархомъ и скрѣпляются Статсъ-Секретаремъ, и какія Высочайшія повелѣнія и рѣшенія излагаются въ видѣ отношеній и подписываются Статсъ-Секретаремъ за скрѣпою начальника отдѣленія; при этомъ прибавлено, что *„за сообразность отношеній Статсъ-Секретаря съ данными ему повелѣніями отвѣтствуетъ онъ."* Высочайш. Объявленіемъ отъ 23-го дек. 1834 г. Статсъ-Секретарь Велик. Княжества переименованъ былъ въ *„Министра-Статсъ-Секретаря."* Наконецъ, Высоч. Манифестомъ отъ 27-го марта 1857 г. учрежденъ при Статсъ-Секретаріатѣ *„Комитетъ для финляндскихъ дѣлъ,"* въ которомъ *„Министръ-Статсъ-Секретарь по своей должности есть Предсѣдатель, а Товарищъ Министра"* (называвшійся по Инструкціи Статсъ-Секретаріату *„Помощникомъ Статсъ-Секретаря")* – *„непремѣнный членъ."*

Всѣ эти узаконенія издавались безъ всякаго участія сейма. По содержанію ихъ ясно видно, что они установлялись и измѣнялись примѣнительно къ управленію Финляндскимъ краемъ въ составѣ Имперіи, безъ всякаго отношенія къ тому, что было установлено въ Шведскомъ королевствѣ до 1808 г. объ учрежденіяхъ и должностныхъ лицахъ, докладывавшихъ государственныя дѣла королю. Объ измѣненіи какихъ-либо шведскихъ узаконеній этого рода въ нихъ ничего не говорится. О Формѣ Правленія 1772 г. нѣтъ никакого упоминанія. Съ другой стороны, и въ законахъ, изданныхъ въ Финляндіи при участіи сейма, нѣтъ упоминаній ни о Министрѣ-Статсъ-Секретарѣ, ни о Комитетѣ для финляндскихъ дѣлъ.

При такихъ условіяхъ, казалось бы, не можетъ быть и рѣчи о внесеніи какихъ-либо опредѣленій о Финляндскомъ Статсъ-Секретаріатѣ въ сводъ дѣйствующихъ основныхъ законоположеній Финляндіи. Но комитету представлялось желательнымъ всетаки помѣстить въ свой проектъ *„формы правленія"* и это высшее учрежденіе края наряду съ Сенатомъ. Для этого онъ устанавливаетъ *искусственную* связь между § 21 Формы Правл. 1772 г., гдѣ говорится объ организаціи *„четвертой государственной коллегіи"* королевства, называвшейся *„Государственной Канцеляріей."* и постановленіями о Статсъ-Секретаріатѣ и не обращаетъ вниманія на то, что въ *главныхъ чертахъ* организаціи *никакого сходства* нѣтъ, а *нѣкоторое* сходство въ *подробностяхъ* легко можно объяснить, не прибѣгая къ произвольному предположенію

о заимствованіи. „Государственная Канцелярія“ по вышеуказанному § Формы Правл. 1772 г. была канцеляріей шведскаго Государственнаго Совѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Она завѣдывала также почтовымъ вѣдомствомъ въ королевствѣ. Предсѣдателемъ ея былъ одинъ изъ Государственныхъ Совѣтниковъ (раньше называвшійся Государственнымъ Канцлеромъ), а членами тоже Государственные Совѣтники, Канцлеръ Двора, Канцелярскіе Совѣтники и *Статсъ-Секретари*. Послѣдніе имѣли, такимъ образомъ, въ составѣ и дѣятельности коллегіи второстепенное значеніе. На нихъ § 21 возлагаетъ обязанность заботиться о томъ, чтобы *„исходящія бумаги изготовлялись скоро, правильно и въ добромъ порядкѣ, сообразно съ рѣшеніями Королевскаго Величества и согласно съ протоколами“* (т. е. протоколами засѣданій Государств. Совѣта и отдѣльныхъ совѣщаній короля съ нѣкоторыми Совѣтниками), а за нарушеніе этого установляетъ привлеченіе ихъ къ суду и наказаніе *„сообразно съ преступленіемъ.“* *„И по сему,“* прибавлено тамъ далѣе, *„впредь, какъ и до сихъ поръ, не должно повиноваться и слѣдовать никакому повелѣнію, не снабженному надлежащей контрасигнаціей, за исключеніемъ военныхъ дѣлъ.“* Эти-то опредѣленія о шведскихъ статсъ-секретаряхъ комитетъ выбираетъ изъ Формы Правл. 1772 г. и, оставляя безъ вниманія все остальное въ томъ же § 21, *только ихъ* ставитъ въ связь съ *болѣе* или *менѣе* сходными опредѣленіями въ узаконеніяхъ о Финл. Статсъ-Секретаріатѣ. Въ мотивахъ онъ утверждаетъ безъ всякихъ доказательствъ, что § 21 *„лежитъ въ основаніи“* §§ 8 и 25 Высоч. Инструкціи 1811 г. Финляндской Комиссіи. Но еслибъ онъ на самомъ дѣлѣ положенъ былъ въ основаніе этихъ §§, т. е. считался бы дѣйствующимъ основнымъ закономъ, тогда не могло бы быть такого различія между нимъ и ими: по § 21 Ф. Пр. 1772 г. было нѣсколько статсъ-секретарей, а по § 8 Инструкціи *„учреждается званіе“* одного *„Статсъ-Секретаря Финляндскихъ дѣлъ;“* по § 21 отвѣтственность за сообразность исходящихъ бумагъ съ рѣшеніями возлагается *только* на статсъ-секретарей, а по § 25 Инструкціи отвѣтственность возлагается на *всю комиссію*. Сходство, такимъ образомъ, оказывается только въ названіи *„статсъ-секретарь.“* Но для того, чтобы дать такое званіе докладчику финляндскихъ дѣлъ, вовсе не нужно было обращаться къ Формѣ

Правленія 1772 г.: оно, какъ извѣстно, существовало и въ Россіи еще до присоединенія Финляндіи. Тотъ же § 21 Формы Правл. 1777 г., по мнѣнію комитета, „*лежитъ въ основаніи*“ и §§ 1—11 Отд. II Манифеста 1826 г. Намекъ на это комитетъ желаетъ видѣть во введеніи къ Манифесту, гдѣ говорится, что Инструкція Статсъ-Секретаріату издается съ цѣлью „установить для Финляндіи сообразный съ утвержденными НАМИ коренными законами и основными постановленіями сего края порядокъ по докладу НАМЪ дѣлъ, зависящихъ отъ разрѣшенія Высочайшей власти.“ Но это указаніе на коренные законы имѣетъ, повидимому, такой же смыслъ, какъ другое, болѣе точное указаніе въ томъ же Манифестѣ, въ § 1 Отд. II, гдѣ сказано, что „къ Статсъ-Секретарю поступаютъ всѣ дѣла, относящіяся до общаго гражданскаго управленія Финляндіи, кои по кореннымъ законамъ и основнымъ постановленіямъ онаго края подлежатъ разсмотрѣнію и разрѣшенію Высочайшей власти.“ Во всякомъ случаѣ, намека на § 21 Формы Правленія 1772 г. тутъ нельзя видѣть уже потому, что во всемъ этомъ § *ничего* не говорится о *докладѣ дѣлъ* королю и не упоминается даже о томъ, что дѣла докладываются именно статсъ-секретарями. Что онъ не считался дѣйствующимъ основнымъ закономъ и при составленіи Инструкціи 1826 г., какъ не считался и въ 1811 г.,—это видно изъ того, что въ тѣхъ §§ Инструкціи, въ основу которыхъ онъ, по предположенію комитета, былъ положенъ, сходство съ вышеуказанными опредѣленіями о шведскихъ статсъ-секретаряхъ обнаруживается только въ *упоминаніи* о скрѣпѣ или контрасигнаціи и объ отвѣтственности Статсъ-Секретаря за сообразность съ новелѣніями, но изложено это совсѣмъ не въ томъ видѣ, какъ въ Формѣ Правл.; наряду съ контрасигнаціей извѣстнаго рода актовъ говорится въ § 7 и о сообщеніи Высочайшихъ повелѣній въ видѣ отношеній, подписываемыхъ Статсъ-Секретаремъ, и самая отвѣтственность пріурочена именно къ этимъ отношеніямъ, а не къ контрасигнируемымъ актамъ. Комитетъ замѣтилъ различіе относительно контрасигнаціи и подписи (по Формѣ Правл. всѣ акты только контрасигнировались) и выразилъ это и въ своемъ проектѣ, но ссылается при этомъ на *практику* и въ мотивахъ, и въ самомъ текстѣ проекта, вмѣсто ссылки на Высоч. Манифестъ 1826 г. Это сдѣлано, очевидно, потому, что сослать-

ся на Манифестъ значило бы—или признать, что основное законоположеніе неправильно измѣнено не-основнымъ, илиже—отнести шведское постановленіе о контрасигнаціи статсъ-секретарей къ числу утратившихъ дѣйствующую силу послѣ присоединенія края къ Россіи, т. е. признать, что никакого измѣненія на самомъ дѣлѣ и не было, а было установлено вновь, примѣнительно къ Финляндіи.

Постановленіе о недѣйствительности актовъ, содержащихъ въ себѣ Высочайшую волю, безъ контрасигнаціи или подписи Статсъ-Секретаря не могло и не можетъ считаться дѣйствующимъ и потому, что къ Финляндіи совсѣмъ непримѣнимо: во-первыхъ есть цѣлый разрядъ актовъ, которые Финляндскимъ Министромъ-Статсъ-Секретаремъ никогда не контрасигнируются и не подписываются, но имѣютъ всетаки дѣйствующую силу въ краѣ; это именно акты, общіе для всей Имперіи: манифесты о восшествіи на престолъ, о войнѣ и мирѣ, международные трактаты и др. Во-вторыхъ, еслибы даже и оговорить ихъ особо, то могутъ быть всетаки еще акты, подписанные Генералъ-Губернаторомъ и содержащіе въ себѣ непосредственно ему данныя Высочайшія повелѣнія. Наконецъ, можетъ представиться въ какихъ-либо чрезвычайныхъ случаяхъ необходимость въ объявленіи Высочайшей воли относительно Финляндіи и черезъ другихъ лицъ, изъ числа уполномоченныхъ къ тому по дѣйствующимъ вообще въ Имперіи узаконеніямъ.

§ 18.

Выше уже было разъяснено, что узаконенія о Финл. Сенатѣ нельзя относить къ основнымъ, и что комитетъ вноситъ ихъ въ свой проектъ вслѣдствіе неправильнаго взгляда на исторію ихъ установленія. Искусственность придуманной комитетомъ связи ихъ съ шведскими основными законами обнаруживается уже въ самомъ началѣ. Изъ цитатъ къ § 18 видно, что комитетъ основываетъ власть Сената не столько на Регламентѣ для Правит. Совѣта, сколько на шведскихъ постановленіяхъ о власти коллегій и о регенствѣ. По взгляду комитета, изложенному имъ въ мотивахъ (стр. 42—43), Финл. Сенатъ—это постоянное регенство, существующее въ Финляндскомъ государствѣ „*для содѣйствія ИМПЕРАТОРУ и Великому Князю*“ на томъ основаніи, что

Монархъ имѣетъ резиденцію внѣ предѣловъ государства. Повидимому, комитетъ первый напалъ на эту мысль—воспользоваться § 37 Формы Правл. 1772 г. о регенствѣ въ Шведскомъ королевствѣ, чтобы придатьСенату значеніе верховнаго правительства, существующаго въ силу основныхъ законовъ: еще въ 1877 г. издатель сборника „*Основные законы Финляндіи*," г. Мехелинъ, хотя онъ также считаетъ Финляндскій край отдѣльнымъ государствомъ, отнесъ указанный § къ числу утратившихъ для края *всякую дѣйствующую силу* съ 1809 г., наравнѣ съ §§ о порядкѣ престолонаслѣдія и т. п. Любопытно при томъ, что комитетъ, примѣняя этотъ § къ Сенату въ такомъ, такъ сказать, фигуральномъ смыслѣ—„*постояннаго временнаго правительства*," въ то же время считаетъ возможнымъ примѣнять его и въ прямомъ смыслѣ—настоящаго временнаго правительства „въ томъ случаѣ, когда Монархъ не въ состояніи лично управлять" (см. мотивы, стр. 108—109).

§ 19.

Хотя комитетъ въ цитатѣ ссылается только на Регламентъ Прав. Совѣта, но текстъ измѣненъ: между тѣмъ удержаніе здѣсь подлиннаго текста Регламента было бы особенно важно потому, что тогда комитету далѣе, по поводу § 39 въ проектѣ, труднѣе было бы говорить объ „*ограниченіи*" Верховной Власти Сенатомъ (см. мотивы, стр. 48—49).

§ 21.

Еслибы комитетъ по Регламенту въ точности обозначилъ положеніе Сената, какъ учрежденія, которое „*не можетъ употреблять другой власти, кромѣ той, которая ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Высочайше оному предоставлена,*" тогда незачѣмъ было бы прибѣгать къ Формѣ Правл. 1772 г. для того, чтобы помѣстить опредѣленіе объ отчетѣ и отвѣтственности только передъ Верховною Властью.

§ 22.

Постановленія о томъ, что Финл. Сенатъ *долженъ* имѣть свое мѣстопребываніе *непремѣнно въ предѣлахъ края*,—нѣтъ нигдѣ не только въ основныхъ, но и въ другихъ законоположеніяхъ. Комитетъ ссылается въ цитатѣ на введеніе и § 1 Реглам.

Правит. Совѣта, и § Формы Правл. 1772 г. о регенствѣ. Относительно введенія къ Реглам. нужно прежде всего замѣтить, что еслибъ тамъ и было сказано, что Совѣтъ долженъ находиться въ Финляндіи, то съ точки зрѣнія самого комитета, признающаго Регламентъ закономъ, изданнымъ при обязательномъ содѣйствіи сейма, нельзя было бы этого принимать во вниманіе: введенія совсѣмъ не было въ проектѣ, представленномъ сейму; оно прибавлено потомъ, при изданіи. Но въ немъ и нѣтъ ничего подобнаго, а говорится только, что „благо края сего требовало, чтобы правительственныя мѣста провинцій (т. е. шести губерній, на которыя дѣлилась тогда Финляндія) сосредоточивались въ одномъ мѣстѣ, или въ верховномъ судилищѣ, которое могло бы ими управлять“ и т. д. Нѣтъ ничего объ этомъ также и въ § 1 Регламента. Остается, такимъ образомъ, только § о регенствѣ. Хотя и въ немъ тоже не сказано прямо, что временное правительство, управляющее вслѣдствіе отсутствія или несовершеннолѣтія короля, должно находиться въ предѣлахъ Швеціи, но это, дѣйствительно, можно вывести изъ самого понятія о такомъ правительствѣ. Этимъ-то и воспользовался комитетъ и выставляетъ въ своемъ проектѣ, какъ требованіе дѣйствующаго въ Финляндіи основного закона, что Сенатъ „*долженъ*“ находиться въ предѣлахъ края, а въ мотивахъ (стр. 43) поясняетъ: „учрежденіе общаго управленія, въ качествѣ постояннаго государственнаго установленія, *пребывающаго въ предѣлахъ страны*, было лишь послѣдовательнымъ примѣненіемъ основныхъ началъ Формы Правленія къ новымъ отношеніямъ, съ тѣхъ поръ какъ обратилось въ правило, что Монархъ имѣетъ резиденцію внѣ предѣловъ страны. Что такое правительство необходимо учредить и содержать,—это стало краеугольнымъ положеніемъ финляндской конституціи съ того часа, какъ ИМПЕРАТОРЪ Александръ I далъ свое удостовѣреніе, а сословія провозгласили его.“ Но если это, дѣйствительно, было такъ, то какъ же объяснить тогда тотъ фактъ, что сами эти сословія, т. е. чины боргоскаго сейма, „*провозгласившіе*“ ИМПЕРАТОРА Александра I, *не замѣтили* совсѣмъ такого „*краеугольнаго положенія*“? Акты сейма показываютъ, что земскіе чины считали *вполнѣ естественнымъ помѣщеніе Финляндскаго Правит. Совѣта не въ предѣлахъ края, а въ столицѣ всей Имперіи, въ С.-Петер-*

бургѣ. Изъ протоколовъ засѣданій дворянскаго сословія видно, что когда однажды зашла рѣчь о постройкѣ зданія для „рыцарскаго дома“ и одинъ изъ членовъ сословія предложилъ постановить, что зданіе должно быть построено въ томъ же городѣ, гдѣ будетъ помѣщенъ Прав. Совѣтъ, то на это было замѣчено въ сословіи, что Совѣтъ можетъ быть помѣщенъ *въ С.-Петербургѣ* и такого условія для „рыцарскаго дома“ нельзя ставить. Никто изъ членовъ сословія не возразилъ, что помѣщеніе Совѣта въ Петербургѣ противорѣчитъ „*краеугольному положенію*“ основныхъ законовъ, и рѣшено было предоставить на Высочайшее благоусмотрѣніе назначеніе какого-либо финляндскаго города для „рыцарскаго дома.“*) Крестьянское сословіе, сообщая прочимъ сословіямъ свое мнѣніе о Регламентѣ Прав. Совѣта, говоритъ, что „со всеподданнѣйшею благодарностью и признательностью за эту оказанную націи *особенную милость*“ (т. е. учрежденіе Совѣта) оно съ своей стороны согласилось съ тѣми замѣчаніями, какія сдѣланы были по поводу проекта дворянскимъ и бюргерскимъ сословіями, и отказываясь далѣе отъ опредѣленія окладовъ членамъ и чиновникамъ Совѣта, *въ видѣ предположенія* высказываетъ, что Совѣтъ, *можетъ быть*, будетъ имѣть свое мѣстопребываніе въ самой Финляндіи.**) Извѣстно также, что первый Финляндскій Генералъ-Губернаторъ Спренгтпортенъ, самъ финляндецъ и одинъ изъ главныхъ поборниковъ присоединенія края къ Россіи съ сохраненіемъ прежнихъ шведскихъ законовъ, послѣ уже помѣщенія Совѣта въ Або предлагалъ въ особомъ всеподданнѣйшемъ меморіалѣ *перевести его въ Петербургъ*.

Въ виду этихъ ясныхъ указаній можно возразить развѣ только то, что прежде *не понимали* и не умѣли толковать основные законы Финляндіи такъ хорошо, какъ понялъ и толкуетъ***) ихъ

*) См. „Протоколы Рыц. и Двор., вед. на сеймѣ въ Борго,“ ч. I, стр. 327—328.

**) См. тамъ же, ч. II, стр. 408—409.

***) Въ подтвержденіе правильности своего толкованія комитетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 51) приводитъ еще выдержку изъ Манифеста 1810 г. (объ оставленіи прежнихъ окладовъ за офицерами распущенной земской милиціи), гдѣ между прочимъ упоминается, какъ о совершившемся фактѣ, объ учрежденіи Совѣта „въ нѣдрахъ націи“ (т. е. въ Або). Но неужели комитетъ въ самомъ дѣлѣ серьезно думаетъ, что въ этихъ словахъ можно видѣть намекъ на § о регенствѣ? Неужели можно допустить хотя бы на минуту предположеніе, будто ИМПЕРАТОРЪ Александръ I, учреждая для края особое главное управленіе, руководился постановленіемъ Формы Прав. 1772 г. о регенствѣ

теперь комитетъ. Но если это еще можно сказать объ отдѣльныхъ лицахъ, Спрегтпортенѣ или г. Мехелинѣ (относящемъ § о регенствѣ къ числу совершенно непримѣнимыхъ), то какъ можно *земскимъ чинамъ* приписать непониманіе *„краеугольнаго положенія конституціи“?* Съ точки зрѣнія самого комитета непослѣдовательно было бы допустить, что тѣ самые земскіе чины, которые, по его мнѣнію, *устанавливали* Регламентъ Прав. Совѣта, какъ новый *основной* законъ, и *измѣняли* при этомъ Форму Правл. 1772 г., ошибались, считая § о регенствѣ не имѣющимъ никакого отношенія къ Финляндскому краю.

§ 23.

Еслибы комитетъ въ точности слѣдовалъ обычаю, на который ссылается въ цитатѣ къ первому пункту, то не помѣстилъ бы на *первомъ* мѣстѣ *„финскихъ людей,“* потому что *только одинъ* Генералъ-Губернаторъ (Спренгтпортенъ) былъ изъ финляндцевъ, всѣ же остальные (*восемь* до настоящаго времени: Барклай де Толли 1809—1810, бар. Ф. Штейнгейль 1810—1823, гр. А. Закревскій 1823—1831, кн. А. Меньшиковъ 1831—1855, гр. Бергъ 1855—1861, бар. Рокасовскій 1861—1866, гр. Н. Адлербергъ 1866—1881 и Графъ Ѳ. Л. Гейденъ) назначались *не* изъ финляндцевъ.

§ 24.

Въ цитатѣ къ первому пункту комитетъ ссылается на § 5 Регламента, но совершенно измѣняетъ его смыслъ, руководствуясь все тѣмъ же § о регенствѣ и еще постановленіемъ о шведскомъ Государственномъ Совѣтѣ, въ который по § 4 Формы Правл. 1772 г. избирались королемъ члены изъ *„урожденныхъ* (природныхъ *шведскихъ) рыцарей и дворянъ.“* Но, во-первыхъ, приравнивать Финл. Сенатъ къ бывшему шведскому Госуд. Совѣту нѣтъ никакого основанія и на это есть прямое указаніе въ новѣйшемъ финляндскомъ законодательствѣ: въ 1867 г. по поводу обнаружившагося тогда въ Финляндіи неправильнаго толкованія тѣхъ §§ Формы Правл. 1772 г., которые касаются Госуд. Совѣта, Высочайш. Рескриптомъ отъ 26-го мая было разъяснено, что Финл.

въ Шведскомъ королевствѣ, если и мысли объ этомъ не было еще тогда у самихъ финляндцевъ?

Сенатъ „*никакимъ закономъ никогда не былъ облеченъ значеніемъ и правами существовавшаго до 1789 года шведскаго Государственнаго Совѣта.*“ *) Во-вторыхъ, еслибы даже и позволительно было такое приравниваніе, то изъ этого всетаки не слѣдуетъ, что текстъ позднѣйшаго узаконенія можно измѣнять по узаконенію болѣе раннему: въ Регламентѣ сказано, что „*одна половина членовъ Совѣта избирается изъ Дворянства, а другая изъ прочихъ сословій Финляндіи.*“ Въ первое время Совѣтъ, дѣйствительно, могъ состоять только изъ *природныхъ* финляндцевъ, (такъ какъ *приписавшихся* въ Финляндіи русскихъ или иностранцевъ *еще не было*) и въ этомъ смыслѣ въ Высоч. Манифестѣ 9-го февр. 1816 г. (о переименованіи Совѣта въ Сенатъ) сказано, что Совѣтъ учрежденъ *былъ* изъ „*коренныхъ*“ финляндцевъ. Въ такомъ же смыслѣ нужно понимать и объявленное въ отвѣтѣ финляндской депутаціи въ 1808 г. рѣшеніе учредить особый „трибуналъ изъ уроженцевъ края.“ Для предупрежденія же такого толкованія, будто членами Сената могутъ быть *только* мѣстные уроженцы, въ томъ же Высочайш. Манифестѣ 1816 г. далѣе сказано, что въ члены Сената будутъ назначать „однихъ токмо коренныхъ финляндцевъ *или водворившихся тамъ и финляндское гражданское право пріобрѣвшихъ.*“ Между тѣмъ комитетъ это ясное и опредѣленное указаніе объявляетъ въ своихъ мотивахъ (стр. 68) *не дѣйствительнымъ*, потому что оно будто бы „нарушаетъ“ „основные законы страны,“ т. е. §§ Формы Правл. 1772 г. о регенствѣ въ Шведскомъ королевствѣ и о Госуд. Совѣтѣ. Нужно замѣтить при томъ, что и чины боргоскаго сейма *вовсе не считали* назначеніе членовъ Совѣта изъ уроженцевъ и даже вообще изъ жителей края *требованіемъ* основныхъ законовъ: какъ извѣстно, на первый разъ имъ было предоставлено самимъ избрать кандидатовъ въ члены изъ своей среды; донося о состоявшемся избраніи въ концѣ своего отзыва о проэктѣ Регламента, земскіе чины вмѣстѣ съ тѣмъ *просятъ какъ особой Высочайшей милости*, чтобы и впредь въ члены и чиновники Совѣта назначались „*такіе люди, которые состоятъ финляндскими гражданами* и преданы лютеранской вѣрѣ.“ Еслибы назначеніе *только* уроженцевъ считалось *требованіемъ* основного закона, то незачѣмъ было бы просить какъ *особой милости*, назна-

*) См. Сборн. Постан. Вел. Княж. Финл., 1867 г., № 16, стр. 2.

ченія „людей, *состоящихъ финляндскими гражданами*“ (которыми могутъ быть и *не*-уроженцы края); просили же объ этомъ земскіе чины особо, очевидно, потому, что считали возможнымъ измѣненіе § 5 Регламента (безъ ихъ содѣйствія) въ смыслѣ допущенія въ члены Совѣта также лицъ, приписанныхъ не въ Финляндіи, а въ прочихъ частяхъ государства.

Во второмъ пунктѣ комитетъ безъ всякаго основанія относитъ къ Судебн. Департаменту Сената постановленія Формы Правл. 1772 г. и Акта Соед. и Охран. 1789 г. объ отдѣленіи шведскаго Госуд. Совѣта, называвшемся Судебной Ревизіей, и о замѣнившемъ Суд. Ревизію королевскомъ Верховномъ Судѣ. При этомъ начало пункта прямо противорѣчитъ вышеприведенному § 5 Регламента, гдѣ говорится о *половинѣ* членовъ, и не Судебнаго только Департамента, а *всего* Совѣта.

Измѣненіе текста и смысла Регламента Прав. Совѣта по Формѣ Правл. и Акту Соед. и Охран. какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ §§ о Сенатѣ (26, 27, 29, 39) непослѣдовательно съ точки зрѣнія даже самого комитета: если онъ считаетъ (хотя и неправильно) Регламентъ основнымъ закономъ, то почему же онъ не хочетъ допустить, что при установленіи новаго основного закона найдено было болѣе удобнымъ изложить въ другой формѣ и съ нѣкоторыми измѣненіями въ смыслѣ постановленія прежнихъ основныхъ законовъ, и этимъ самымъ *совсѣмъ отмѣнить ихъ?*

§ 29.

Прокуроръ Сената неправильно приравнивается въ этомъ § къ одному изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ Шведскаго королевства, Канцлеру Юстиціи, упомянутому въ § 15 Формы Правл. 1772 г. Исторія установленія прокурорской должности въ Финл. Сенатѣ показываетъ, что постановленіе Формы Правл. о Канцлерѣ Юстиціи не считалось дѣйствующимъ въ примѣненіи къ Прокурору, да и не могло считаться, потому что эта послѣдняя должность по дѣйствующимъ о ней узаконеніямъ существенно отличается отъ первой. Выше (стр. 20) уже упомянуто, что въ проектѣ Регламента, представленномъ земскимъ чинамъ, не было названія „*Прокуроръ*,“ а было — „*Адвокатъ-Фискалъ*.“ Адвокатъ-Фискалами въ шведскихъ законахъ называются чиновники, наблюдающіе за примѣненіемъ закона и ис-

полняющіе обязанности обвинителей въ гофгерихтахъ (которые были уже тогда и въ Финляндіи), слѣдовательно, по проекту Реглам. должность чиновника, наблюдающаго за примѣненіемъ закона и правильностью въ дѣлопроизводствѣ Совѣта приравнивалась къ должности гофгерихтскихъ адвокатъ-фискаловъ. Земскіе чины въ своемъ отзывѣ никакихъ замѣчаній по этому поводу не сдѣлали. При изданіи Регламента послѣ распущенія сейма было однако найдено болѣе удобнымъ совѣтскаго Адвокатъ-Фискала (вѣроятно потому, что гофгерихтскіе адвокатъ-фискалы были ему подчинены) назвать Прокуроромъ, и такое новое названіе было, очевидно, заимствовано изъ *русскихъ* законовъ, такъ какъ въ шведскомъ законодательствѣ его нѣтъ. Еслибы § 15 Формы Правл. въ примѣненіи къ Финляндскому краю считался дѣйствующимъ, то этого не могло бы быть: установленное основнымъ закономъ названіе можно измѣнить только основнымъ же закономъ; тогда оставили бы названіе *Канцлера Юстиціи* и включили бы опредѣленіе § 15 Формы Правл. въ Регламентъ, илиже, по крайней мѣрѣ, сослались бы на него. Но объ этомъ не могло быть и рѣчи, потому что Канцлеръ Юстиціи былъ сановникъ *самостоятельный, не пріуроченный* особо ни къ какому *учрежденію* и зависѣвшій *только* отъ Короля; ему *одному* принадлежало право высшаго надзора за примѣненіемъ законовъ въ королевствѣ; между тѣмъ по Регламенту обязанность *высшаго* надзора за отправленіемъ правосудія и исполненіемъ законовъ возложена вовсе *не* на Прокурора, а на *Генералъ-Губернатора* (§ 26) и на *Судебный Департаментъ Совѣта* (§ 32), а о Прокурорѣ сказано, что онъ *„непосредственно подчиненъ Генералъ-Губернатору“* (§ 27); въ Высочайшей Инструкціи Прокурору (1812 г.) его положеніе опредѣлено (§ 1), какъ положеніе *„помощника Генералъ-Губернатора въ надзорѣ за точнымъ соблюденіемъ“* законовъ и *„надъ исполненіемъ всѣми должностными лицами съ честностію обязанностей ихъ“*

Это-то подчиненное положеніе Прокурора совсѣмъ упущено изъ виду комитетомъ и не выражено въ его проектѣ, по которому Прокуроръ является какъ бы совершенно самостоятельнымъ сановникомъ, на подобіе шведскаго Канцлера Юстиціи, зависящимъ только отъ Монарха.

§ 34.

§ 16 Формы Правленія 1772 г., по которому комитетъ здѣсь сочиняетъ постановленіе о финляндскомъ „Государственномъ Судѣ," въ самой Швеціи почти утратилъ дѣйствующую силу, потому что до 1789 г. совсѣмъ не примѣнялся, а послѣ упраздненія Госуд. Совѣта и не могъ быть примѣняемъ въ такой именно формѣ. Комитетъ всетаки причисляетъ его къ дѣйствующимъ въ Финляндіи узаконеніямъ и вмѣсто шведскаго Государственнаго Совѣта вставляетъ Сенатъ, хотя въ Финляндіи, какъ уже упомянуто, въ 1867 г. законодательнымъ порядкомъ было объявлено, что шведскія постановленія о Госуд. Совѣтѣ къ Финл. Сенату относить не слѣдуетъ. Вообще по самому составу такого суда постановленіе о немъ непримѣнимо къ Финляндскому краю. Комитетъ исключилъ *Фельдмаршала*, президентовъ коллегій (кромѣ гофгерихтовъ) и *Канцлера Двора*, но оставилъ (въ соотвѣтствіе съ § 17 своего проекта) „*статсъ-секретарей*," хотя такого званія совсѣмъ не существуетъ нынѣ для Финляндскаго края: по закону есть только *одинъ Министръ*-Статсъ-Секретарь и *Товарищъ* его, званія статсъ-секретаря не имѣющій.

§ 35.

Постановленіе § 33 Формы Правл. 1772 г. о томъ, что „областное управленіе состоитъ изъ обыкновенныхъ ландсгевдингскихъ областей, совершенно (такъ же), какъ онѣ нынѣ существуютъ,"—комитетъ толкуетъ едвали правильно, относя его вообще къ организаціи областного управленія. Изъ непосредственно слѣдующихъ за нимъ словъ („*ибо* впредь не должно быть никакого *Генералъ-Губернатора внутри государства*") видно, что фраза „*какъ онѣ нынѣ существуютъ*" относится скорѣе всего именно къ этому запрещенію назначать Генералъ-Губернатора. Въ примѣненіи къ Финляндіи такое запрещеніе имѣло до 1808 г. тотъ смыслъ, что Генералъ-Губернатора и общаго мѣстнаго управленія надъ шестью финляндскими губерніями не могло быть. Послѣ же присоединенія края къ Россіи оно, очевидно, должно было утратить всякое значеніе. Комитетъ всетаки старается примѣнить его, считая Финляндію государствомъ, и вставляетъ слова: „*кромѣ Генералъ-Губерна-*

тора,“ а въ самомъ запрещеніи названіе „*Генералъ-Губернаторъ*“ замѣняетъ словами „*должностное лицо*“ и т. д. Но такое именно должностное лицо, вѣдь, обыкновенно и называется *Генералъ-Губернаторомъ*?

§ 39.

Самому обыкновенному опредѣленію о правѣ тѣхъ или другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ замѣщать менѣе важныя должности безъ Высочайшаго утвержденія— комитетъ при помощи § о регенствѣ и постановленій о правахъ шведскихъ государственныхъ коллегій придаетъ здѣсь видъ *ограниченія* Верховной Власти. Въ мотивахъ (стр. 48—49) по поводу послѣдняго пункта онъ поясняетъ, что Прав. Совѣтъ заступилъ мѣсто коллегій и потому и относительно назначенія должностныхъ лицъ получилъ *права* Коллегій. Но въ § 41 Регламента, на который ссылается комитетъ, вовсе не сказано, что Хозяйственный Департаментъ *облеченъ правами и значеніемъ шведскихъ государственныхъ коллегій*, а сказано только, что „Департаментъ *завѣдываетъ* всѣмъ тѣмъ, что при *прежнемъ образѣ управленія* симъ *краемъ* составляло *предметъ занятій* разныхъ коллегій и начальственныхъ мѣстъ,“ и изъ этихъ словъ никакъ нельзя вывести, что къ Хозяйств. Департаменту позволительно примѣнять въ качествѣ дѣйствующихъ постановленія шведскихъ основныхъ законовъ о коллегіяхъ.

§ 43.

Ни въ какихъ законахъ, ни въ прежнихъ шведскихъ, ни въ изданныхъ собственно для Финляндіи со времени присоединенія края къ Россіи *нѣтъ постановленій о томъ*, что на должности въ краѣ можно опредѣлять *только природныхъ финляндцевъ* Въ половинѣ прошлаго столѣтія жителями Финляндіи былъ возбужденъ на шведскомъ риксдагѣ вопросъ объ установленіи такого закона, въ виду того, что на должности въ Финляндіи опредѣлялись слишкомъ часто уроженцы собственной Швеціи, совсѣмъ незнакомые съ финскимъ языкомъ. Но на это ходатайство *не* послѣдовало согласія. Особая сеймовая комиссія, обсуждавшая его вмѣстѣ съ другими дѣлами, касавшимися собственно Финляндіи, въ своемъ отзывѣ обратила вниманіе на то, *какъ*

полезно было бы для государства, еслибъ шведскіе и финскіе жители понимали языкъ другъ друга, какъ укрѣпилось бы отъ этого взаимное довѣріе между обоими народами и какъ чрезъ это стало бы болѣе возможнымъ поселеніе въ краѣ также шведскихъ семействъ, потому что ихъ не затруднялъ бы тогда незнакомый языкъ и исключительно-финское богослуженіе въ церквахъ.“ Въ виду чего, и „чтобы мало по малу шведскій языкъ утвердился въ Финляндіи,“ комиссія предложила. вмѣсто установленія закона объ опредѣленіи на службу въ краѣ только мѣстныхъ уроженцевъ, принять мѣры къ тому, чтобы финское населеніе отдавало своихъ дѣтей для обученія шведскому языку въ шведскія семейства и раздавать на казенный счетъ шведскія азбуки, катехизисы*) и т. д

Остались, такимъ образомъ, въ полной силѣ прежнія узаконенія, по которымъ на должности опредѣлялись въ государствѣ, безъ различія между отдѣльными провинціями, *всѣ вообще шведскіе подданные*. Относительно же опредѣленія *иностранныхъ* подданныхъ въ Формѣ Правл. 1720 г. было постановлено, что они могутъ быть опредѣляемы лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это повторяется и въ § 10 Формы Правл. 1772 г., гдѣ сказано, что „*чужіе иностранные люди*“ не должны быть опредѣляемы на должности (кромѣ королевскаго двора). То же самое подтверждено въ другой нѣсколько формѣ въ § 1 Акта Соед. и Охр. 1789 г., по которому должности въ Шведскомъ королевствѣ должны замѣщаться „*урожденными шведскими людьми.*“ Подъ „*шведскими* людьми“ разумѣлись тутъ, въ противоположность *иностранцамъ*, всѣ вообще природные *подданные шведскаго короля*, безъ различія между собственно шведами, финнами и нѣмцами, жившими въ нѣмецкихъ провинціяхъ королевства (хотя послѣднія управлялись по *особымъ законамъ*).

Послѣ присоединенія края къ Россіи эти постановленія не отмѣнялись и не измѣнялись; не появлялось также законодательнымъ путемъ и никакихъ поясненій о томъ, какъ ихъ нужно понимать въ примѣненіи въ Финляндскому краю подъ русскою властью. Но вовсякомъ случаѣ понимать ихъ такъ, какъ излагаетъ теперь комитетъ въ своемъ проектѣ,—было бы совершен-

*) Коскиненъ, „Исторія Финск. народа“ (на финск. яз.), стр. 428—429.

но произвольно и неправильно. Комитетъ въ выраженіи § 1 Акта Соед. и Охр. 1789 г.: „урожденные *шведскіе* люди просто только подставляетъ слово „*финскіе*," и непреложнымъ *требованіемъ* дѣйствующихъ въ Финляндіи основныхъ законовъ у него является такимъ образомъ то, о чемъ жители края въ прошломъ столѣтіи *безуспѣшно ходатайствовали при существованіи тѣхъ же самыхъ законовъ* Между тѣмъ это выраженіе, какъ уже указано, означало только, что должности должны замѣщаться природными *подданными* шведскаго короля. Слѣдовательно, послѣ присоединенія края къ Россіи его можно было понимать только въ смыслѣ: *всѣ* природные *подданные Россійскаго Монарха,* какъ живущіе и приписанные въ Финляндіи, такъ и живущіе въ прочихъ частяхъ государства. Причислять подданныхъ, приписанныхъ въ прочихъ частяхъ Имперіи, къ „*чужимъ иностраннымъ людямъ*," т. е. къ иностраннымъ *подданнымъ* (какъ дѣлаетъ комитетъ)—значитъ признавать Финляндію отдѣльнымъ, самостоятельнымъ *государствомъ*; и еслибы она даже въ самомъ дѣлѣ признана была по закону особымъ государствомъ, то *и тогда* едвали бы позволительно было признавать подданныхъ *одного и того же* Монарха „*иностранными подданными*" по отношенію другъ къ другу.

Нужно замѣтить притомъ, что и въ самомъ финляндскомъ законодательствѣ есть опредѣленныя указанія на то, что это постановленіе о правѣ только природныхъ подданныхъ занимать должности въ краѣ, *никогда не понималось Верховною Властью такъ*, какъ понимаетъ и толкуетъ теперь комитетъ (см. мотивы стр. 68—69). Въ Высочайшемъ Постановленіи объ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Финляндіи (1841 г.) говорится: „преподаватели русскаго языка, принадлежащіе къ *природнымъ русскимъ* и переходящіе на службу въ учебныя заведенія въ Финляндіи, относительно права на пенсію пользуются такими же преимуществами, какія вообще присвоены финляндскимъ гражданскимъ „чиновникамъ, и кромѣ того еще правомъ на чинопроизводство, согласно съ дѣйствующими въ Имперіи постановленіями "(Сборн. Пост. В. Кн. Ф. на шведск. яз., т. IX, стр. 362). Въ Высочайш. Объявленіи 21-го іюня 1841 г., въ § 7 постановлено:„ Для большей успѣшности при обученіи русскому языку, въ каждую епархію въ Финляндіи дол-

женъ быть опредѣляемъ для помянутаго языка особый экзаминаторъ, который *долженъ быть русскимъ уроженцемъ* и имѣть въ семъ языкѣ основательныя познанія; на обязанности сихъ экзаминаторовъ лежитъ—посѣщать ежегодно всѣ элементарныя учебныя заведенія епархіи для производства испытаній "(тамъ же, стр. 378—379). Въ Высочайш. Объявленіи 4-го марта 1846 г. „о преимуществахъ, предоставляемыхъ учителямъ русскаго языка въ нѣкоторыхъ элементарныхъ учебныхъ заведеніяхъ края и объ условіяхъ пріема оныхъ учителей на службу," въ § 2 постановлено: „Дабы выборъ сихъ учителей могъ быть вполнѣ цѣлесообразенъ, опредѣляется, что помянутыя учительскія должности слѣдуетъ замѣщать безусловно *или русскими уроженцами*, имѣющими надлежащіе аттестаты отъ университетовъ или гимназій Имперіи, *или—финляндскими уроженцами*, прошедшими курсъ русскаго языка въ какомъ-либо изъ русскихъ университетовъ и могущими представить о томъ удовлетворительные аттестаты, илиже—воспитанниками Выборгской Гимназіи, съ полнымъ успѣхомъ окончившими въ ней курсъ по русскому отдѣленію "(Сборн. Постан. Вел. Княж. Финл. на шведск. языкѣ, т. XI, стр. 139). Въ Высочайшемъ Рескриптѣ 1-го марта 1852 г. (см. Приложеніе, стр. 11) право *русскихъ уроженцевъ* на занятіе должностей гражданскихъ чиновниковъ въ Финляндіи разсматривается, какъ нѣчто само собою разумѣющееся. Въ виду этихъ ясныхъ указаній позднѣйшаго, собственно *финляндскаго* законодательства упомянутыя комитетомъ въ цитатѣ *шведскія* основныя законоположенія въ примѣненіи къ Финляндскому краю могли бы быть выражены въ такой, наприм., формѣ: *„должности въ краѣ замѣщаются только природными подданными ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, какъ изъ финляндскихъ, такъ и изъ русскихъ уроженцевъ.*"

§ 47.

Въ § 88 Устава о воинск. пов. 1878 г. сказано, что начальникъ части приводитъ къ присягѣ вновь опредѣленныхъ на службу, *„сообразясь съ § 18 Формы Правленія."* Не совсѣмъ понятно, зачѣмъ сдѣлана была эта ссылка и какой смыслъ она имѣетъ. § 18 Формы Правл. 1772 г. къ Финляндіи едвали

примѣнимъ. Тамъ постановляется, что „всѣ военныя силы *государства*, сухопутныя и морскія, съ высшимъ и низшимъ начальствомъ ихъ должны учинять присягу на вѣрность Королевскому Величеству, *Государству и Государственнымъ Чинамъ* по составленной формѣ.“ Какъ можетъ начальникъ части „*соображаться*“ съ такимъ постановленіемъ? На вѣрность какимъ *Государственнымъ Чинамъ*“ и какому „*Государству*?“ Воинскій начальникъ можетъ руководствоваться только опредѣленной, установленной формой присяги, такъ что примѣнимы развѣ только послѣднія слова: „*по составленной формѣ.*“ Но зачѣмъ для этого понадобилась Форма Правленія 1772 г.? На самомъ дѣлѣ финскія войска приносятъ теперь присягу по формѣ, установленной въ 1817 г. для финской милиціи. Комитетъ старается на основаніи этой ссылки примѣнить къ Финляндіи § 18 Формы Правл. и вмѣсто слова „*государство*“ ставитъ слово „*страна*,“ но опускаетъ почему-то совсѣмъ слова: „*по составленной* (или *установленной*) *формѣ.*“

Не лучше ли было бы сдѣлать наоборотъ, если ужъ нужно включать такое постановленіе въ сводъ *финляндскихъ* основныхъ законовъ?

§§ 63—64.

Съ 1863 г. къ финляндскому сейму стали на практикѣ примѣняться тѣ §§ Формы Правл. 1772 г., которые касаются шведскихъ риксдаговъ и ихъ правъ на участіе въ законодательствѣ. Но эти постановленія крайне неопредѣленны и неясны. Особенное затрудненіе встрѣчается въ толкованіи § 40, по которому „король не можетъ издавать какой-либо новый законъ (уложеніе) или отмѣнять старый безъ вѣдома и согласія Государств. Чиновъ.“ Буквально его понимать невозможно, потому что на самомъ дѣлѣ большая часть постановленій шведскихъ издана безъ участія риксдага и на риксдагахъ прямо признавалось за королями право издавать постановленія такъ называемыя „*административныя*“ или „*экономическія.*“ Такимъ образомъ, правильное пониманіе этого § сводится къ правильному пониманію шведскаго слова „lag“—*законъ, уложеніе*. Обыкновенно финляндскіе юристы толкуютъ его, на основаніи сличенія тѣхъ мѣстъ въ шведскомъ законодательствѣ, гдѣ оно встрѣчается, въ смыслѣ—„*общее*

уложеніе," т. е. *уложеніе 1734 г.*, которое въ сеймовыхъ актахъ и вообще офиціальномъ языкѣ того времени часто называется также „*уложеніемъ Швеціи.*" Это толкованіе принимаетъ и членъ комитета Германсонъ. Большинство же комитета подъ словомъ „lag" разумѣетъ всѣ вообще постановленія, издаваемыя при обязательномъ участіи сейма, но въ то же время отказывается опредѣлить, гдѣ граница между этимъ *сеймовымъ* законодательствомъ и *экономическимъ*. Вслѣдствіе такого неопредѣленнаго и широкаго толкованія комитетъ ссылается (къ § 63 проекта) на § 40 Формы Правл. 1772 г. въ двухъ, совершенно разныхъ смыслахъ: въ цитатѣ 3 онъ ссылается на него въ подтвержденіе того, что при участіи сейма нужно установлять и измѣнять „*общее уложеніе*," а въ цитатѣ 13—въ подтвержденіе того, что безъ участія сейма нельзя измѣнять или отмѣнять никакихъ законовъ, въ установленіи которыхъ сеймъ принималъ участіе. Но непонятно, какъ можно это послѣднее положеніе выводить изъ § 40. Въ мотивахъ комитетъ тоже выставляетъ, какъ непреложное правило, что разъ какой-либо законъ установленъ съ участіемъ сейма, то онъ уже не можетъ быть измѣняемъ безъ сейма, *хотя бы и имѣлъ чисто экономическій характеръ*, но не объясняетъ, откуда это слѣдуетъ, почему это нужно считать обязательнымъ и какъ согласить это съ правомъ Верховной Власти издавать экономическія узаконенія безъ сейма. Въ связи съ этимъ находится также противорѣчіе въ цитатѣ 9 (къ тому же § 63): комитетъ объявляетъ обязательнымъ участіе сейма въ установленіи впредь всякаго закона о монетѣ и въ потвержденіе ссылается на § 44 Формы Правл. 1772 г. и законъ о монетѣ 1877 г. Но въ Формѣ Правл. сказано только, что установленіе *пробы* риксдагъ удерживаетъ за собой, и, слѣдовательно, все остальное, касающееся чеканки монеты, ея названія, вида и т. д., можно было установлять безъ сейма. Марка въ качествѣ монетной единицы установлена была безъ сейма; но потомъ при перемѣнѣ серебряной валюты на золотую передали на обсужденіе сейма не одно только постановленіе *объ измѣненіи пробы*, а цѣлый законъ о монетѣ. Но почему же изъ этого должно слѣдовать, что этотъ законъ теперь нельзя измѣнять совсѣмъ, даже въ томъ случаѣ, если проба останется та же самая?

§ 68.

Запрещенія заключать заемъ безъ сейма нѣтъ въ основныхъ законахъ. Комитетъ выводитъ его изъ стариннаго узаконенія о томъ, что король не долженъ уменьшать королевскихъ земель (путемъ раздачи въ ленъ) и вообще королевскихъ доходовъ для своего преемника. Но можно ли такого рода постановленія относить къ казеннымъ займамъ? И почему же это заемъ непремѣнно долженъ уменьшать доходы для преемника? Развѣ не можетъ быть наоборотъ, что сдѣланный для общеполезной цѣли (наприм., для постройки желѣзной дороги) заемъ со временемъ увеличитъ доходы?

§ 69.

Первую фразу легко можно истолковать (и, повидимому, это и имѣлъ въ виду комитетъ) въ томъ смыслѣ, что доходы Финляндіи могутъ быть употребляемы *только* на ея *мѣстныя* потребности. Между тѣмъ такого положенія совсѣмъ нельзя считать основнымъ закономъ для Финляндіи въ составѣ Русскаго государства. Употребленіе финляндскихъ суммъ только на мѣстныя потребности было особенною милостью со стороны Россійскаго Монарха къ покоренному краю и такъ это и разсматривалось, какъ особая милость чинами боргоскаго сейма (какъ видно изъ ихъ отзывовъ по финансовымъ вопросамъ). Когда же и почему это обратилось въ непремѣнное *требованіе основного закона?* Комитетъ выводитъ это изъ § 27 Сеймов. Устава, но тамъ это вовсе не въ такой формѣ выражено. Неумѣстны затѣмъ въ этомъ § слова: *„совѣщаться, уговариваться, отказываться“* и т. д. Шведскіе короли, дѣйствительно, *„совѣщались, уговаривались“* и даже спорили съ сеймовыми чинами, собирая ихъ, въ случаѣ разногласій, у себя во дворцѣ. Потому могли явиться и такія выраженія въ законѣ; но къ нынѣшнему положенію Финляндскаго края они совсѣмъ не подходятъ.

§ 93.

Комитетъ набралъ изъ разныхъ мѣстъ отрывочныя фразы и отдѣльныя выраженія и изложилъ все это въ формѣ какого-то договора; но никакого опредѣленнаго *постановленія* во всемъ этомъ не заключается; вмѣсто этого лучше бы было включить

опредѣленіе о томъ, что съ изданіемъ свода *всѣ* прежнія шведскія законоположенія, правильно или неправильно считавшіяся основными и относящимися къ Финляндіи, совершенно отмѣняются.

III.

Понятіе о Финляндіи, какъ особомъ государствѣ, въ § 4 проекта Привилегій для дворянства.

Въ § 32 Привилегій Дворянства 1723 г. сказано, что если „*шведскій* дворянинъ поселится *за-границей*“ (внѣ королевства) и по представленіи всеподданнѣйшей просьбы королю освобожденъ будетъ, „если то не послужитъ къ ущербу *государства*,“ отъ своей *вѣрноподданнической присяги*, то онъ теряетъ мѣсто и право голоса въ Рыцарскомъ Домѣ. Комитетъ слово „*государство*“ замѣняетъ словомъ „*страна*“ и подъ „*за-границей*,“ т. е. чужимъ государствомъ, разумѣетъ и Россію.

Вѣроятно, комитетъ рукодился при этомъ тѣмъ толкованіемъ, какое дано было указанному § Прив. Двор. 1723 г. нѣкоторыми членами дворянскаго сословія на сеймѣ 1863 г. Три дворянина, поселившіеся въ Россіи и проживавшіе тамъ, пріѣхали оттуда и изъявили желаніе также участвовать въ засѣданіяхъ сословія. По этому новоду возбужденъ былъ вопросъ о томъ, можно ли ихъ допустить въ виду постановленія о дворянинѣ, поселившемся въ другомъ государствѣ. Мнѣнія въ сословіи раздѣлились: одни ораторы (большая часть) высказались за безусловное допущеніе, другіе предлагали допустить только на тотъ сеймъ (съ оговоркой, чтобъ это не послужило примѣромъ для слѣдующихъ сеймовъ), третьи же—говорили рѣшительно противъ допущенія, при чемъ доказывали, что Финляндія составляетъ отдѣльное государство. Послѣ голосованія всѣ трое были однако допущены. *)

Комитету слѣдовало бы въ такомъ случаѣ принять во вниманіе и то, что сказано было по поводу, очевидно, этихъ имен-

*) Бергхъ, „Наше правительство и наши сеймы,“ т. I, стр. 146—160.— На этомъ же сеймѣ возбужденъ былъ вопросъ объ установленіи для Финляндіи особаго торговаго флага.

но преній въ Высочайшей рѣчи, прочитанной Генералъ-Губернаторомъ при закрытіи сейма: *)

„Благодарю васъ за неоднократно выраженныя вами отъ лица финскаго народа чувства вѣрности и преданности ко МНѢ, но не могу не сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя пренія сейма подали поводъ къ недоразумѣніямъ касательно отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ неразрывномъ своемъ соединеніи съ Россіей Финляндія ненарушимо сохранила предоставленныя ей права и подъ сѣнію своихъ законовъ продолжаетъ пользоваться всѣми нравственными и вещественными выгодами, представляемыми ей могуществомъ Имперіи. Россія открываетъ жителямъ Финляндіи обширное и безпрепятственное поприще торговли и промышленности, а благодушный русскій народъ не разъ, когда тяжелыя испытанія посѣщали вашъ край, доказывалъ свое братское участіе и дѣятельную помощь. Слѣдовательно, ясное пониманіе истинныхъ пользъ Финляндіи должно склонять васъ къ упроченію, а отнюдь не къ ослабленію той тѣсной связи съ Россіею, которая служитъ неизмѣннымъ ручательствомъ благосостоянію вашей родины.“

*) Сборн. Пост. В. Кн. Финл., 1864 г., № 19.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

I.

16-го августа 1823 года. **Изъ Манифеста ИМПЕРАТОРА Александра I о назначеніи Наслѣдникомъ Великаго Князя Николая Павловича.**

(Въ 1825 г. Манифестъ этотъ обнародованъ и въ Финляндіи на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ).

Послѣ сего МЫ остаемся въ спокойномъ упованіи, что въ день, когда Царь Царствующихъ, по общему для земнородныхъ закону, воззоветъ НАСЪ отъ сего временнаго Царствія въ вѣчность, Государственныя сословія, которымъ настоящая непреложная воля НАША и сіе законное постановленіе НАШЕ въ надлежащее время по распоряженію НАШЕМУ должно быть извѣстно, немедленно принесутъ вѣрноподданническую преданность свою назначенному НАМИ *наслѣдственному ИМПЕРАТОРУ единаго нераздѣльнаго Престола Всероссійскія Имперіи, Царства Польскаго и Княжества Финляндскаго.*

II.

Изъ Трактата о торговлѣ и мореплаваніи между Россіей и Франціей. *Заключ. 4-го (16-го) сент., ратификов. 8-го октября 1846 года.*

Статья XVII.

Подразумѣвается, что постановленія сего трактата будутъ примѣняемы ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ Россійскимъ флагомъ, безъ всякаго различія между собственно такъ называемыми Россійскими купеческими судами и купеческими судами *Великаго Княжества Финляндскаго, составляющаго нераздѣльную часть Россійской Имперіи.*

III.

Изъ Трактата о торговлѣ и мореплаваніи Россіи съ Великобританіей. *Заключ. 31-го дек. 1858 г., ратифик. 10-го января 1859 г.*

Статья 19.

Постановленія настоящаго Трактата будутъ примѣняемы ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ Россійскимъ флагомъ безъ всякаго различія между такъ называемымъ въ тѣсномъ смыслѣ Россійскимъ торговымъ флотомъ и судами, принадлежащими собственно *Великому Княжеству Финляндскому, составляющему нераздѣльную часть Россійской Имперіи.*

IV.

Изъ Трактата Россіи съ Италіей. *Заключ. 16-го (28-го) сент., ратифик. 1-го ноября 1863 года.*

Статья 19.

Всѣ тѣ суда, которыя по законамъ Королевства Итальянскаго имѣютъ быть признаваемы за суда Итальянскія, и всѣ тѣ, которыя *по законамъ Россійской Имперіи имѣютъ быть признаваемы за суда Россійскія*, будутъ, относительно примѣненія настоящаго трактата, признаваться первыя за Итальянскія суда, а вторыя за Россійскія.

Постановленія настоящаго трактата будутъ примѣняться ко всѣмъ судамъ, плавающимъ подъ Россійскимъ флагомъ, безъ всякаго различія между собственно русскимъ торговымъ флагомъ и судами собственно принадлежащими *Великому Княжеству Финляндскому, которое составляетъ нераздѣльную часть Россійской Имперіи.*

(См. Сборн. Постановленій Велик. Княж. Финляндскаго 1864 г., № 15.—*Статьи такого же содержанія, какъ вышеприведенныя три статьи изъ трактатовъ съ Франціей, Великобританіей и Италіей, входятъ и въ разные другіе трактаты, заключенные Россіей съ иностранными державами; см., наприм., еще трактаты съ Бельгіей 1858 г., съ Австріей*

1860 г. и т. д. Всѣ эти трактаты обнародованы къ руководству и въ Финляндіи на русскомъ, шведскомъ и финскомъ языкахъ.—См. также Дополнительный Актъ къ трактатамъ Россіи съ Даніей отъ 1-го дек. 1831 г., *гдѣ Великое Княжество Финляндское наравнѣ съ Герцогствомъ Курляндскимъ называется русской провинціей*—Сборн. Постан. Вел. Княж. Финл. на шведскомъ яз., т. VI, стр. 235).

V.

5-го (17-го) ноября 1811 года. **Высочайшее Объявленіе и Постановленіе объ учрежденіи таможенной черты между Выборгомъ и Кексгольмомъ и о ввозѣ финляндскихъ продуктовъ въ прочія губерніи Россійской Имперіи.**

(Сборн. Постановленій Вел. Княж. Финляндскаго на шведскомъ языкѣ, т. I, стр. 163—164).

По оказавшимся особеннымъ причинамъ и обстоятельствамъ МЫ Высочайше рѣшили установить таможенную охранную черту между Выборгомъ и Кексгольмомъ съ цѣлью предупрежденія ввоза иностранныхъ товаровъ *изъ Великаго Княжества Финляндскаго въ прочія губерніи Нашей Имперіи* (till de öfrige Gouvernementen af Wårt Kejsaredöme), и въ виду сего МЫ повелѣли Министру Финансовъ, по соглашенію съ НАШИМЪ Генералъ-Губернаторомъ въ Финляндіи, опредѣлить тѣ предметы и товары финляндскаго производства, которые безъ взноса пошлинъ могутъ быть ввозимы *оттуда въ НАШИ прочія провинціи* (till Wåre öfrige Provincer), и дать о семъ надлежащія предписанія таможеннымъ чиновникамъ, а также и въ прочемъ тщательно наблюдать какъ за тѣмъ, чтобы, съ одной стороны, ввозъ иностранныхъ товаровъ чрезъ учрежденіе сей таможенной охраны былъ предупрежденъ, такъ и за тѣмъ, чтобы, съ другой стороны, торговое движеніе *внутри государства* (inrikes) сдѣлалось свободнымъ и безпрепятственнымъ; почему МЫ и симъ Высочайше объявляемъ, что назначеніе вышеупомянутой таможенной охраны состоитъ не въ томъ, чтобы въ какой-либо мѣрѣ ограничивать ввозъ и распространеніе соб-

ственныхъ продуктовъ Финляндіи, но, напротивъ, въ томъ, чтобы благопріятствовать симъ свободнымъ сношеніямъ, и на семъ основаніи МЫ также Высочайше повелѣли какъ НАШЕМУ Министру Финансовъ, такъ и Генералъ-Губернатору всевозможнымъ образомъ оберегать таковыя сношенія, такъ какъ помянутая таможенная охрана учреждена лишь для предупрежденія многихъ вредныхъ предпріятій, замѣченныхъ *не со стороны Финляндіи, а со стороны остальной Россіи* (ifrån det öfrige af Ryssland); и сія таможенная черта будетъ находиться лишь временно, и упразднена будетъ по введеніи въ Финляндіи въ дѣйствіе составленнаго НАШИМЪ Правительствующимъ Совѣтомъ и нынѣ на разсмотрѣніи находящагося Торговаго Постановленія. Посему МЫ, Высочайше одобривъ составленные Министромъ Финансовъ и прилагаемые къ сему НАШЕМУ Объявленію перечни финляндскихъ товаровъ, дозволенныхъ къ ввозу *изъ Финляндіи въ прочія русскія провинціи* (till de öfrige Ryske Provincerne), вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше постановляемъ:

1) Что товары, включенные въ перечень № 1, могутъ быть ввозимы безпрепятственно и безпошлинно *изъ Великаго Княжества Финляндскаго въ прочія губерніи НАШЕЙ Имперіи* (ifrån Storfurstendömet Finland till de öfrige Gouvernementerne af Wårt Kejsaredöme), но должны быть снабжены такимъ цертификатомъ или свидѣтельствомъ, какъ показываетъ прилагаемая при семъ форма № 3, для удостовѣренія въ томъ, что они дѣйствительно финляндскія произведенія и изготовлены въ Финляндіи; товары сіи дозволяется препровождать лишь чрезъ Выборгскую таможню, прочія же дороги и таможни для нихъ должны считаться закрытыми.

2) Что, напротивъ того, товары, внесенные въ перечень № 2, могутъ быть ввозимы безъ подобнаго свидѣтельства.

3) Что всякій ввозъ иностранныхъ товаровъ изъ Финляндіи въ Россію въ силу сего совершенно воспрещается.

VI.

19-го іюня 1816 года. **Изъ Высочайшаго Постановленія о торговлѣ и таможенныхъ сборахъ въ Финляндіи.**

(Сборн. Постановл. В. Кн. Финл. на шведскомъ яз., т. II, стр. 200).

...Въ виду сего учрежденная между Финляндіей и Россіей таможенная черта сохраняется и на будущее время, при тщательнѣйшемъ однако наблюденіи за тѣмъ, чтобы водяное и сухопутное сообщеніе по ввозу русскихъ товаровъ въ Финляндію и *финляндскихъ продуктовъ въ НАШИ прочія провинціи* (till Wåre öfrige Provincer) было впредь, какъ и до сихъ поръ, свободно и безпрепятственно, согласно съ изданными о томъ ранѣе постановленіями.

VII.

20-го іюня 1816 года. **Изъ Высочайшаго Постановленія о продажѣ водки въ финляндскихъ крѣпостяхъ и о распространеніи на Выборгскую губернію воспрещенія ввозить водку въ Финляндію.**

(Сборн. Постан. В. Кн. Финл. на шведск. яз., т. II, стр. 253).

... Въ связи съ симъ МЫ также соизволили распространить и на Выборгскую губернію НАШЕ изданное 6-го (18-го) сент. 1811 г. Высочайшее воспрещеніе ввозить водку въ Финляндію, и повелѣли НАШЕМУ Сенату и Генералъ-Губернатору тщательно и строго наблюдать за тѣмъ, чтобы *въ Финляндію изъ прочихъ провинцій Россійскаго государства* (från de öfrige Provincerne i Ryska Riket till Finland) не ввозилась водка въ большемъ количествѣ, чѣмъ то, какое требуется для расположенныхъ въ Финляндіи морскихъ экипажей.

VIII.

5-го октября 1816 года. **Изъ Высочайшаго Объявленія о почтовомъ вѣдомствѣ въ Финляндіи.**

(Сборн. Постан. В. Кн. Финл. на шведск. яз., т. II, стр. 269).

Такъ какъ, въ виду связи финляндскаго почтоваго вѣдомства съ русскимъ, сохраненіе въ финляндскихъ почтовыхъ конторахъ

иного способа взвѣшиванія, чѣмъ тотъ, какой употребляется *въ остальномъ государствѣ* (i det öfriga Riket), производило бы безпорядокъ и потерю времени для завѣдующихъ почтовыми конторами при отчетности и контролѣ приходящихъ изъ Россіи и отправляемыхъ туда писемъ, вѣсъ которыхъ въ таковомъ случаѣ приходилось бы исчислять и обозначать двумя различными способами; то МЫ Высочайше постановляемъ, что почтовый вѣсовой сборъ съ писемъ, отправляемыхъ изъ финляндскихъ почтовыхъ конторъ, впредь долженъ быть вычисляемъ *по принятому вообще въ Русскомъ государствѣ вѣсу* (efter den i Ryska Riket allmänneligen antagne vigt), который нынѣ утверждается также и для финляндскихъ почтовыхъ конторъ.

IX.

13-го (25-го марта) 1819 года. **Изъ Высочайшаго Постановленія о увольненіи финляндскихъ уроженцевъ рабочаго и прочихъ званій въ россійскія губерніи.**

До свѣдѣнія НАШЕГО дошло, что въ теченіи прошедшихъ лѣтъ значительное число *финляндскихъ обывателей* изъ класса рабочаго народа и слугъ, переселившись *изъ Финляндіи въ другія области Имперіи НАШЕЙ*, долгое время оставались въ оныхъ, и что для опредѣленія права ихъ на таковое переселеніе не существовало доселѣ другого руководства, кромѣ правилъ, содержащихся въ изданныхъ до присоединенія Финляндіи къ Всероссійской Имперіи постановленіяхъ, о вступленіи въ годичное услуженіе и о наймѣ рабочихъ *внутри Государства*.

X.

9-го (21-го октября) 1827 года. **Изъ Высочайшаго Манифеста о поставленіи верстовыхъ столбовъ по дорогамъ въ Финляндіи.**

Объявляемъ чрезъ сіе:

Что принявъ въ уваженіе постановленіе Предшественника НАШЕГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА блаженныя памяти ГОСУДАРЯ

ИМПЕРАТОРА Александра Перваго, объ оставленіи безъ отмѣны измѣренія дорогъ Россійскими верстами въ принадлежащей къ НАШЕМУ Великому Княжеству Финляндскому Выборгской губерніи и находя введенное въ прочихъ частяхъ Финляндіи счисленіе разстоянія по дорогамъ, въ особенности же подраздѣленіе миль, несовмѣстнымъ во многихъ отношеніяхъ,— МЫ хотя съ одной стороны намѣрены сохранить въ Финляндіи употребительное тамъ съ древнѣйшихъ временъ исчисленіе разстоянія милями, но желая съ другой стороны посредствомъ раздѣленія миль на версты, ввести недостававшую доселѣ *единообразность* въ измѣреніи дорогъ *въ подвластныхъ Скипетру НАШЕМУ областяхъ*, признали за благо постановить слѣдующее ....

XI.

28-го марта (9-го апрѣля) 1840 года. **Изъ Высочайшаго Манифеста о денежной системѣ въ Велик. Княжествѣ Финляндскомъ.**

Объявляемъ чрезъ сіе: что МЫ принявъ въ соображеніе, что Высочайшимъ Манифестомъ въ 17 (29) день Декабря 1809-го года, на точномъ основаніи коренныхъ законовъ Финляндіи изданнымъ, Россійская серебрянная монета признана главною и коренною монетою *Великаго Княжества Финляндскаго, составляющаго нераздѣльную часть Имперіи НАШЕЙ*, признали необходимымъ примѣнить *къ сему краю* основанія Манифеста НАШЕГО отъ 1-го іюля минувшаго года, объ устройствѣ денежной системы въ Имперіи, сообразивъ оныя съ особенными въ Финляндіи оброкоположеніями и существовавшею доселѣ денежною системою.

XII.

Высочайшій ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Рескриптъ

Земскимъ Сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго по всеподданнѣйшей петиціи ихъ объ изданіи закона о печати въ Финляндіи.

Данъ въ С.-Петербургѣ 27 (15) Марта 1872 г.

Земскимъ Сословіямъ Великаго Княжества Финляндскаго.

НАМЪ доложена была всеподданнѣйшая петиція ваша объ изданіи по взаимному НАШЕМУ съ Земскими Сословіями соглашенію закона о печати въ Финляндіи; но какъ мѣропріятія по сему предмету въ Великомъ Княжествѣ по законамъ края зависятъ исключительно только отъ единой НАШЕЙ власти, и МЫ не имѣемъ намѣренія уступать ни одного изъ присвоенныхъ НАМЪ законами правъ; при томъ не усматриваемъ повода измѣнить существующее нынѣ Постановленіе о печати въ Финляндіи *тѣмъ менѣе, что подобныя же основанія указаны НАМИ для печати въ прочихъ частяхъ НАШЕГО Государства*, то МЫ на помянутую петицію Монаршаго соизволенія не изъявляемъ.

Напоминаемъ при этомъ Земскимъ Сословіямъ, что ежели МЫ признали возможнымъ обезпечить послѣдовательность политической дѣятельности народныхъ представителей Финляндіи дарованіемъ періодическихъ собраній и права подавать на НАШЕ воззрѣніе петиціи на основаніи утвержденнаго НАМИ Сеймоваго Устава, то этимъ вящшимъ знакомъ Монаршаго довѣрія, какъ и изъяснено въ помянутомъ уставѣ, ни въ чемъ не измѣняется единственно НАМЪ принадлежащее право иниціативы по вопросамъ, касающимся основныхъ законовъ края, а потому и время и способъ возбужденія такихъ вопросовъ зависятъ исключительно отъ НАШЕГО благоусмотрѣнія.

Въ С.-Петербургѣ $^{15}/_{27}$ Марта 1872 г.

АЛЕКСАНДРЪ.

Министръ Статсъ-Секретарь Графъ **Армфельтъ**.

XIII.

1-го (13-го) марта 1881 года. **Изъ Высочайшаго Манифеста о вступленіи на престолъ нынѣ царствующаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.**

...Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла, и вознося ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя НАШЕГО, МЫ вступаемъ на *Прародительскій Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.*

(Въ Высочайшемъ Манифестѣ 14-го (26-го) марта 1881 г. о назначеніи Правителемъ Государства Великаго Князя Владиміра Александровича говорится также только о единомъ *Престолѣ Всероссійскомъ* и нѣтъ упоминанія о какомъ-либо особомъ „*престолѣ Великаго Княжества Финляндскаго*“.—См. Сборн. Постан. Велик. Княж. Финляндскаго за 1881 г., № 7, стр 4).

XIV.

1-го марта 1852 года. **Рескриптъ Гофгерихтамъ и проч. о томъ, что слѣдуетъ соблюдать при опредѣленіи русскихъ уроженцевъ на финляндскую гражданскую службу.**

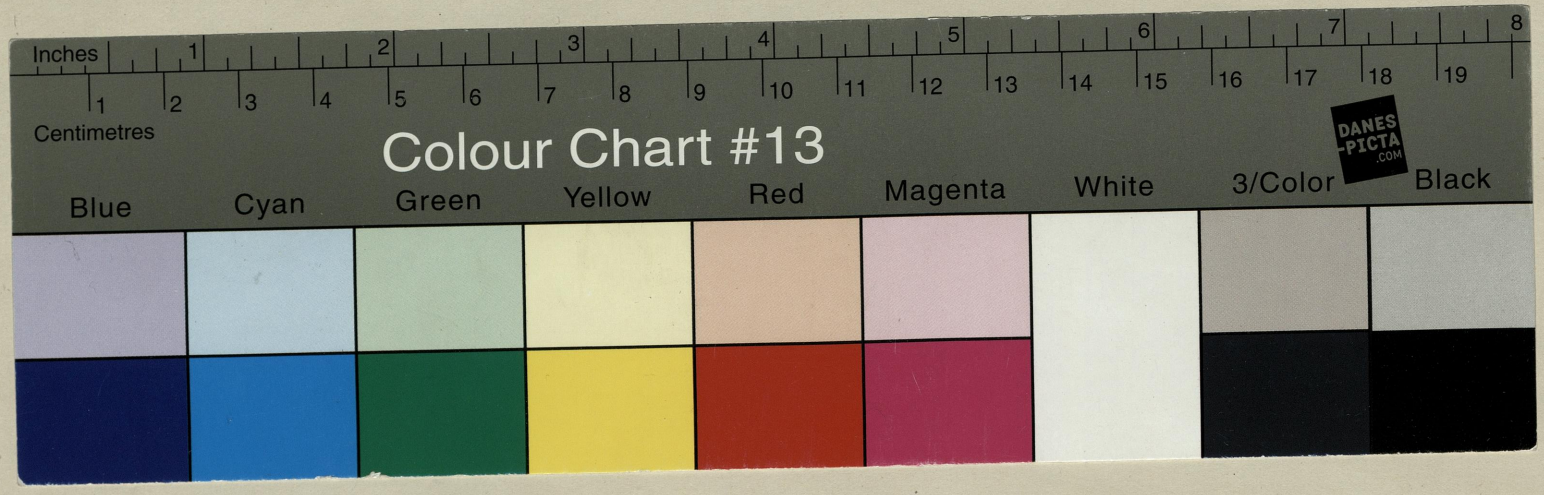
(Сборникъ рескриптовъ на шведск. яз., т. VI, стр. 6).

МЫ НИКОЛАЙ Первый и проч.

По встрѣтившемуся поводу МЫ Высочайше признали за благо постановить относительно опредѣленія русскихъ уроженцевъ на должности гражданскихъ чиновниковъ въ Финляндіи, что къ поступленію на финляндскую гражданскую службу впредь слѣдуетъ допускать лишь *тѣхъ изъ* НАШИХЪ *подданныхъ, приписанныхъ въ русскихъ губерніяхъ*, которые имѣютъ право на вступленіе въ гражданскую службу на основаніи законовъ, дѣйствующихъ вообще въ Имперіи въ семъ отношеніи.

2007086497

30 АПР 1944

Inches
1 2 3 4 5 6 7 8
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19
Centimetres
Colour Chart #13
DANES-PICTA .COM
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black

20 APR 1944